

Государственная
Библиотека
СССР
ул. А. С. Пушкина

№ 2338-53

МОСКОВСКАЯ
ЦЕРКОВНАЯ
БИБЛИОТЕКА

НИЖЕГОРОДСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1-го іюля.

№ 13-й.

1866 года.

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ.

1.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ ПОСТАНОВЛЕНІЯ.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе Господина Синодальнаго Оберъ-Прокурора, 15 сего апрѣля, за № 2099, коимъ изъясняетъ, что согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, онъ, Г. Оберъ-Прокуроръ, входилъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ объ учрежденіи повсемѣстнаго крестнаго хода и молебствія, ежегодно 4-го апрѣля, въ воспоминаніе избавленія ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА отъ угрожавшей опасности, — и что на сіе въ 14-й день сего апрѣля воспослѣдовало Высочайшее соизволеніе. По справкѣ оказалось: Святѣйшій Синодъ, желая навсегда сохранить молитвенное воспоминаніе о днѣ великой Божіей милости, явленной къ Церкви и Державѣ Россійской спасеніемъ драгоцѣнной

жизни благочестивѣйшаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА отъ преступнаго покушенія зодѣя, опредѣленіемъ 11-го сего апрѣля положилъ: учредить ежегодно въ 4 день апрѣля повсемѣстное совершеніе крестнаго хода, въ губернскихъ городахъ изъ соборныхъ или главныхъ церквей на городской площади, для принесенія благодарственнаго Господу Богу молебствія, съ колѣнопреклоненіемъ и цѣлodneвнымъ звономъ за сохраненіе драгоценныхъ дней Августѣйшаго Монарха, съ тѣмъ, чтобы: 1) по селеніямъ таковое молебствіе отправляемо было въ самыхъ церквахъ; и 2) въ случаѣ, если 4 день апрѣля встрѣтится на Страстной седмицѣ или въ день Св. Пасхи, — таковое молебствіе и крестный ходъ совершаемы были въ понедѣльникъ Свѣтлыя седмицы; на каковыя предположенія и предоставилъ Г. Синодальному Оберъ-Прокурору испросить Высочайшее соизволеніе. Приказали: О вышеизложенномъ Высочайшее утвержденномъ опредѣленіи Святѣйшаго Синода, къ должному исполненію, дать знать по Духовному вѣдомству печатными указами и, чрезъ посредство Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, сообщить Министру Внутреннихъ Дѣлъ для соотвѣтствующихъ по вѣдомству Гражданскому распоряженій; а для припечатанія о семъ Высочайшее утвержденномъ опредѣленіи Синода въ Сенатскихъ вѣдомостяхъ, сообщить Правительствующему Сенату вѣдніемъ. Апрѣля 20 дня 1866 года.

— По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложеніе Господина Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 11-го февраля сего 1866 года за № 1360, объ отъѣздѣ доставленія въ Хозяйственное Управление счета о суммѣ, опредѣленной монастырямъ и церквамъ вѣсто от-

вода угодій. Въ предложеніи этомъ изъяснено: Въ формахъ отчетности по вѣдомству Святѣйшаго Синода, изданныхъ при Высочайше утвержденномъ мѣвнѣ Государственнаго Совѣта 29 декабря 1833 года, постановлено было, между прочимъ, представлять Государственному Контролю, при Генеральномъ отчетѣ, особый счетъ суммъ слѣдующихъ вѣдомству Святѣйшаго Синода отъ Государственнаго Казначейства. По счету сему требовалось объяснять о суммѣ, опредѣленной по росписи монастырямъ и церквамъ вмѣсто неполученныхъ ими угодій: сколько таковыхъ денегъ дѣйствительно было получено, изъ какихъ Уѣздныхъ Казначействъ и когда именно, въ продолженіи года. О представленіи сихъ счетовъ мѣстными Епархіальными Управленіями въ центральное контрольное учрежденіе, Святѣйшимъ Синодомъ предписано было указомъ отъ 30 іюля 1835 года, въ исполненіе чего счета сіи доставляются въ Хозяйственное Управленіе при Святѣйшемъ Синодѣ. Но въ настоящее время, со введеніемъ новой системы ревизіи и отчетности въ суммахъ, отпускаемыхъ изъ Государственнаго Казначейства, въ помянутыхъ счетахъ надобности не представляется. Приказали: Предписать по Духовному вѣдомству указомъ, чтобы сдѣлано было надлежащее распоряженіе о прекращеніи доставки въ Хозяйственное Управленіе при Святѣйшемъ Синодѣ упомянутыхъ счетовъ. Марта 31 дня 1866 года.

Указъ Св. Синода на имя, Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Нектарія Епископа Нижегородскаго и Арзамаскаго, объ открытіи викаріатствъ въ Нижегородской и Костромской епархіяхъ.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: Высочайше утвержденный докладъ Святѣйшаго Су-

нода, въ коемъ представлены были на **В ы с о ч а й ш е е**
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА благоусмо-
тѣрніе слѣдующія предположенія Сѹнода: I. Въ Нижегородской и Костромской Епархіяхъ, въ помощь Епархі-
альнымъ Архіереямъ, учредить Викаріатства, наименовавъ
викарныхъ Преосвященныхъ: Нижегородскаго Балахнин-
скимъ, а Костромскаго Кинешемскимъ. II. Мѣсто пребы-
ванія Викарнымъ Архіереямъ имѣть нижегородскому въ
нижегородскомъ Печерскомъ первоклассномъ монастырѣ,
который предоставить въ управление Викарію, а Костром-
скому въ Ипатіевскомъ каѳедральномъ монастырѣ, съ
представленіемъ Викарію въ управление Песоченскаго Иг-
рицкаго монастыря. III. На усиленіе содержанія Викарія
нижегородскаго сверхъ настоятельскихъ жалованья и ча-
сти отъ братскихъ доходовъ Печерскаго монастыря, об-
ратить пять сотъ руб. въ годъ, производившіеся Ниже-
городскому Епархіальному Преосвященному, по **В ы с о ч а й ш е**
утвержденному въ 16 день августа 1861 года
опредѣленію Сѹнода изъ процентовъ съ капитала, опре-
дѣленнаго на улучшеніе содержанія Преосвященныхъ; а
на усиленіе средствъ содержанія Викарія Костромскаго
предоставить ему сверхъ настоятельскихъ жалованья и ча-
сти отъ братскихъ доходовъ Песоченскаго монастыря, по-
лучать въ годъ по четыреста рублей изъ неокладныхъ
суммъ Кривозерской пустыни. IV. Ризницею и прочими
принадлежностями Архіерейскаго служенія предоставить
Преосвященному Нижегородскому снабдить Нижегород-
скаго Викарія отъ Нижегородскихъ Архіерейскаго дома
и Каѳедральнаго собора; на устройство же ризницы и
прочихъ принадлежностей служенія для Викарія Костром-
скаго употребить до двухъ тысячъ рублей изъ суммъ
Кривозерской пустыни, изъ которыхъ также отчислить

тысячу рублей на приспособленіе и устройство въ Ипатіевскомъ монастырѣ помѣщенія для Викарнаго преосвященнаго V.» Преосвященному Нижегородскому, взамѣнъ находившагося въ его управленіи Нижегородскаго Печерскаго монастыря, предоставить въ управленіе заштатный Оранскій Богородицкій монастырь, возведя эту обитель, по уваженію настоятельства въ ней епархіальнаго Архіерея, въ 1-й классъ, но безъ назначенія изъ казны присвоенныхъ сему классу штатныхъ окладовъ. На подлинномъ докладѣ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, В Ы С О Ч А Й Ш Е соизволилъ въ 11 день сего мая написать собственноручно: «Быть по сему». И по справкѣ приказали: объ учрежденіи Викаріатствъ въ Нижегородской и Костромской епархіяхъ, на изложенныхъ въ I, II, III и IV п. всеподданнѣйшаго доклада Святѣйшаго Синода основаніяхъ дать знать преосвященному костромскому и Вашему Преосвященству указами, объявивъ Вамъ и о воспослѣдовавшемъ В Ы С О Ч А Й Ш Е М Ъ соизволеніи на изложенное въ I. п. того же доклада предположеніе Синода, касательно предоставленія въ управленіе Вашего Преосвященства Оранскаго Богородицкаго монастыря и о возведеніи этой обители въ 1-й классъ. Мая 25 дня 1866 г.

II.

ИЗВѢСТІЯ.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, въ 26-й день марта сего 1866 года, по всеподданнѣйшему, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, докладу Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, Всемиловѣйше соизволилъ утвердить списокъ духовныхъ лицъ, удостоиваемыхъ награжденія зна-

нами отличія, въ которомъ списокъ за епархіальную службу Всемилостивѣйше удостоены по нижегородской епархіи, I. сопричисленія къ орденамъ: а) *Св. Анны 2 степени въ Императорскою короною* архимандритъ *Иувеналій* и протоіерей *Владиміръ Крыловъ*, б) *Св. Анны 2 степени* протоіерей: *Константинъ Миловидовъ* и *Іоаннъ Орнатскій* и в) *Св. Анны 3 степени*: протоіерей *Николай Успенскій* и священникъ *Іоаннъ Страгородскій* II. награжденія а) *наперстными крестами* отъ св. Синода выданными, протоіерей: *Іоаннъ Виноградовъ*, *Іоаннъ Разумовъ*, Іеромонахъ *Арсеній*, монахиня *Доровея*, священники: *Алексѣй Садовскій*, *Александръ Крыловъ*, *Петръ Парійскій*, *Іовъ Авситидійскій*, *Іоаннъ Утѣхинъ*, *Левъ Кириловскій*, *Дмитрій Страховъ*, *Андрей Минервинъ*, *Іоаннъ Софійскій*, б) *камилавками*: протоіерей: *Андрей Остроумовъ*, *Александръ Пальмовъ*, священники: *Андрей Цытасевъ*, *Рафаиль Жудрявцевъ*, *Іоаннъ Летницкій*, *Сергѣй Трошукій*, *Павель Швейскій*, *Михаиль Модератовъ*, *Іоаннъ Парійскій*, *Василій Никольскій*, *Михаиль Костровъ*, *Григорій Вербитскій*, *Симеонъ Румянцевъ*, *Федоръ Лебединскій*, *Василій Пальмовъ*, *Александръ Борисовскій*, *Федоръ Добротворскій* и *Петръ Амбелоновъ*,

---

СОДЕРЖАНІЕ. Правительственныя постановленія. — Извѣстія.

Дозволено цензурою 15-го іюня 1866 года.

НИЖНІЙ-НОВГОРОДЪ; ВЪ ГУБЕРНСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

НИЖЕГОРОДСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1-го Іюля.

№ 13-й.

1866 года.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

О ЧЕРКН

ИЗЪ ИСТОРИИ СЛАВЯНСКОЙ МИФОЛОГІИ.

(Продолженіе).

XII.

Чѣмъ человѣчнѣе представленіе о богахъ въ естественной религіи, чѣмъ разумнѣе и сознательнѣе эти боги, чѣмъ болѣе они цѣнятъ свободу и нравственное достоинство человѣка,—тѣмъ симпатичнѣе къ нимъ отношеніе человѣка, богослуженіе основывается на идеѣ любви, искренняго благоговѣнія, чуждаго всякаго рабскаго, восточнаго страха предъ богами; самый обрядъ и способы богоугожденія сознательнѣе, разумно—опредѣленнѣе. Человѣкъ знаетъ, почему онъ исполняетъ обрядъ и почему онъ угоденъ богамъ.

Не то видимъ въ первобытныхъ натуральныхъ религіяхъ, гдѣ божествомъ ставится слѣпая, дикая сила приро-

ды. Она поражаетъ своего поклонника однимъ величіемъ, громаднымъ могуществомъ; она дѣйствуетъ безъ плана и цѣли съ безмысленнымъ деспотизмомъ, награждаетъ неизвѣстно за что, страшно караетъ безъ причины для одной только деспотической острастки, для одного только обнаруженія своей мощи. Безмысленно и отношеніе къ ней человѣка; кромѣ удивленія и рабскаго страха онъ не чувствуетъ къ ней ничего. Самое изображеніе этаго рода божествъ въ страшныхъ формахъ было произведеніемъ этаго священнаго ужаса передъ ними. Совершенная таинственность обрядовъ и богоугодныхъ дѣйствій, доходящая до полнаго отсутствія въ нихъ всякой разумной мысли показываетъ, что поклонникъ не понимаетъ, чѣмъ угодить своему божеству, что ему пріятно и почему пріятно и пр. Чѣмъ ниже религія по своему разумному развитію, тѣмъ въ ней больше таинственности. Она вся исполнена заклѣтїями, непонятными заговорами и примѣтами, въ которыхъ замѣчается полный разрывъ между причиною и слѣдствіемъ, между религіознымъ дѣйствіемъ и его результатами, гдѣ вся логика строится на манеръ извѣстнаго силлогизма: въ углу палка стоитъ, слѣдовательно дождь идетъ. Человѣкъ думаетъ преклонить къ себѣ благоволеніе своего непонятнаго божества какимъ нибудь непонятнымъ словомъ, страннымъ тѣлодвиженіемъ и т. п. Здѣсь-то, въ этой таинственности отношеній между человѣкомъ и божествомъ, и лежитъ основа кудесничества.

Обращаясь къ славянорусскому язычеству, мы не можемъ не замѣтить здѣсь множества элементовъ, изъ которыхъ кудесничество могло развиваться до громадныхъ размѣровъ. Эпическое чудесное проходитъ черезъ весь циклъ нашихъ народныхъ сказаній. Славянинъ былъ дитя

природы. Лишенный всяких проблесковъ естествознанія, онъ съ благоговѣніемъ преклонялся предъ физическимъ явленіемъ, которое совершалось предъ его глазами и отъ котораго зависѣла его жизнь. Онъ чувствовалъ всю зависимость свою отъ окружающей природы, ея силъ и стихій, съ которыми онъ, какъ животное, не могъ бороться, которыхъ дѣйствія безъ знанія и опытности онъ не могъ ни отвратить, ни употребить въ свою пользу. Что бы онъ ни дѣлалъ, куда бы онъ ни пошелъ, въ лѣсъ, къ рѣкѣ, къ озеру, — вездѣ надъ его духомъ тяготѣло владычество физическихъ божествъ, созданныхъ его фантазіей, которыми были населены всѣ области и всѣ уголки природы и жизни. Особенно предъ величественными, исключительными явленіями природы, предъ грознымъ грѣхотомъ грома, предъ огненнымъ разметомъ молній по небу, предъ разрушительнымъ разливомъ рѣки, предъ бурей, бушевавшей по дѣвственнымъ, первобытнымъ лѣсамъ, онъ долженъ былъ съ рабскимъ ничтожествомъ преклоняться, съ ужасомъ умолкать. Тяжко было для человѣка это состояніе!

Какъ ни грубо было славяно-русское язычество, но и въ немъ духъ человѣка не могъ не чувствовать этой тяги рабскаго подчиненія внѣшней природѣ. Вѣрно не разъ съ жалобнымъ воплемъ обращался язычникъ, подобно Ярославнѣ въ словѣ о полку Игоревѣ, къ вѣтру и бурѣ: «о вѣтре вѣтрило! чему господинѣ насильно вѣши?». Не разъ приходилось ему вѣрно обращаться съ этимъ горькимъ: «Чему господине», и къ солнцу, которое палило его ниву, и къ рѣкѣ, которая топила его челнъ или ломала его рыболовныя снасти, и къ морозу, который знобилъ его посѣвъ, и ко всякой стихіи, въ которой онъ видѣлъ въ простотѣ своего сердца господина,

божество. Каждый шагъ его былъ робокъ и нерѣшителенъ, потому что на каждомъ шагу можно было столкнуться съ враждебною вышею силою, предотвратить которую было нельзя. Рабское чувство страха не давало мѣста развитію личности и свободы. Человѣкъ упадаль духомъ тѣмъ глубже, чѣмъ яснѣе чувствовалъ свое безсиліе и ничтожество предъ природой.

Такое тяжелое чувство подавленной личности превосходно выражено въ одномъ эпизодѣ саги Олава Тригвесона. «Прошу тебя, говорилъ князь Владиміръ — еще язычникъ — Олаву, прошу тебя почитать боговъ и укрощать себя предъ ними покорностію; опасаясь, какъ бы они не поразили тебя ужасами своего гнѣва и жестокости.» — Не боюсь твоихъ боговъ, отвѣчалъ Олавъ. Я, кажется, могу понять ихъ изъ того, что твое конунгское величество и твое лицо, воспитатель мой, остаются всегда ласковы и свѣтлы, когда ты не ѣдешь въ капище и не приносишь богествамъ жертвы; въ противномъ случаѣ ты представляешься мнѣ мрачнымъ и скучнымъ, и отсюда я заключаю, что божества, которымъ ты служишь, управляютъ, быть можетъ, тьмою.» И такъ, мрачно становилось лицо язычника, падалъ онъ духомъ, дѣлался тревоженъ и недоволенъ, побывавъ предъ лицомъ своихъ боговъ и принеся имъ умилостивительныя, но невѣрныя жертвы.

Между тѣмъ отъ лица этихъ боговъ нельзя было убѣждать; боги и духи были вездѣ; самый внутренній міръ души человѣческой трактовался, какъ рядъ наускныхъ, наносныхъ отвлѣченій, не самостоятельна была ни мысль, ни чувство зашевелившееся въ сердцѣ. Что касается до разумности этихъ внѣшнихъ силъ, двигателей жизни, то въ нашемъ язычествѣ едва ли можно заводить объ ней рѣчь. Мы видѣли уже, что

всѣ эти Свароги, Дажбоги, Перуны были силы слѣпныя; ихъ дѣйствія безъ цѣли и сознанія. Человѣкъ долженъ былъ безусловно подчиняться ихъ слѣпому деспотизму, быть машиною, рабомъ внѣшней силы. Какъ ни силился онъ съ напряженнымъ и лихорадочнымъ вниманіемъ узнать волю боговъ, составляя свои примѣты и гаданья, онъ оставался въ томъ же тяжеломъ, безвыходномъ мракѣ, гдѣ не видно было, что лежитъ впереди, куда идти и что дѣлать, гдѣ все было неожиданно и вмѣстѣ неотвратимо, какъ судьба, гдѣ онъ повсюду былъ окруженъ чудесами тайныхъ силъ, добрыхъ или злыхъ, природою «исполненной дивности», какъ выражаетъ одинъ народный заговоръ. То вдругъ, неожиданно явится толпа духовъ и окажетъ чудесное благодѣяніе человѣку, то вдругъ посыплются тяжкіе удары, неизвѣстно за что, разгнѣваннаго божества, и вся жизнь нечто иное, какъ игрушка, надъ которою шалатъ капризные тайныя силы.

Можно ли при всемъ этомъ ожидать въ нашемъ язычествѣ разумныхъ, сознательно—нравственныхъ отношеній человѣка къ божествамъ, которыя оно исповѣдовало? Мысль о чудесномъ, таинственномъ отношеніи высшихъ существъ къ міру должна была необходимо вести къ такому же таинственному отношенію человѣка къ высшимъ существамъ, вести къ религіозному чудесничеству. Здѣсь не достаточно было простой молитвы; молитва естественно обращалась въ заговоръ, который долженъ былъ уже непременно преклонить волю божества къ желаемому отъ него дѣйствию, которому божество уже не можетъ противиться, хотя бы оно и желало этаго. Эта молитва-заговоръ, получивъ магическую силу, сильна была не благочестивымъ настроеніемъ произносившаго ее, а самымъ произнесеніемъ, самимъ по себѣ, помимо самаго молящаго-

ся. Изъ нея нельзя ни слова выкинуть, ни слова въ ней перемѣнить; самыя слова, даже ихъ сочетаніе и перестановка составляютъ силу заговора. При такомъ отрѣшеніи молитвы отъ нравственнаго чувства благоговѣнія нечего было заботиться о смыслѣ ея. Чѣмъ непонятнѣе былъ этотъ смыслъ, чѣмъ меньше его было, тѣмъ молитва казалась кабалистичнѣе и больше дѣйствовала на воображеніе вѣрующаго. Все вниманіе обращалось исключительно на то, чтобы она была прочитана правильно, сполна и съ соблюденіемъ всѣхъ внѣшнихъ условій—времени, мѣста, счета, обрядовыхъ дѣйствій. Всѣ обрядовыя дѣйствія получали магическій, чудеснический смыслъ. Къ боже-ству нужно было относиться съ извѣстными церемоніями, приготовленіями, предохранительными средствами, тѣло-движеніями, тономъ голоса. Все это называлось «бить кудеса.» Это было что-то въ родѣ приложенія къ религіи извѣстнаго схоластическаго положенія *forma dat rei esse*. Форма религіи, развиваясь до крайности, сдавила внутреннее содержаніе ея и совершенно выдавила его, такъ что оставалась одна со всею своею бездушностію. Кудеса, магическій обрядъ, сдѣлавшись единственнымъ средствомъ богоугожденія, даже исключали нравственность, по крайней мѣрѣ дѣлали ее излишнею, отвлекали отъ нея сознаніе человѣка. Можно было жить совершенно безнравственно, наблюдая обряды; потому что для божества и важны были только эти обряды.

Таковы были основныя черты языческой религіозности нашего народа. Для церковнаго дѣятеля изученіе ихъ составляетъ первую обязанность: потому что не видны ли еще остатки этаго грубаго культа почти на каждомъ шагѣ современной религіозности массы и не долженъ ли онъ всѣми силами бороться противъ нихъ, какъ элементовъ

чуждыхъ, незаконно привнесенныхъ въ христіанство и противныхъ его сущности?

Такъ на встрѣчу неотвратимой силы божества или силы природы человѣкъ развивалъ съ своей стороны неотвратимую же силу чудесничества. И все богослуженіе древняго язычества было уже запечатлѣно этимъ характеромъ чудесъ. Хороводъ, пѣсня, слова заговора, умыванье ро- сою, обращеніе на востокъ, игра, время, мѣсто и проч., — все это мало по малу получало высшее значеніе, дѣла- лось условнымъ, опредѣлялось точными правилами, отъ которыхъ нельзя было отступить ни на іоту. Обрядъ язы- чества каменѣлъ вслѣдствіе своего магическаго, таинствен- наго значенія. Вотъ отъ чего ничто такъ не было проч- но въ нашемъ язычествѣ, какъ обрядъ. Онъ не пропалъ и тогда, когда уже совершенно утратилъ свой религіоз- ный смыслъ. Большая часть обрядовъ стала пустою иг- рою народа, но эта игра со всею обстановкою крѣпко хранится и передается изъ рода въ родъ изъ какой-то суевѣрной боязни нарушить ее. Можно представить, какъ трудна была бы для церкви борьба съ язычествомъ, если бы наша языческая обрядность успѣла достигнуть до окон- чательной степени развитія въ правильно сформирован- номъ общественномъ богослуженіи. Но обратимся къ ста- ринному чудесничеству.

Чѣмъ больше развивался обрядъ, тѣмъ болѣе онъ получалъ чудеснической характеръ, тѣмъ необходимѣе ста- новились люди, умѣвшіе бить чудеса. При всей чудесно- сти чудесничество не было произвольно; оно было свя- зано съ важнѣйшими догматами язычества, особенно съ понятіями объ источникѣ всякой жизни — островѣ Буянѣ. Старинный заговоръ исполненъ мистическаго содержанія, составляетъ отрасль религіозно-языческаго эпоса. Въ его

словахъ таинственныхъ отразилось все языческое міросозерцаніе съ его понятіями о чудесныхъ, высшихъ силахъ. Образовался особенный священный языкъ, который употреблялся въ заговорахъ, особенная обрядность, которая ихъ окружила. Этотъ языкъ, эта обрядность уже не были достояніемъ всѣхъ; они были знакомы только нѣкоторымъ, посвятившимъ себя свящ. вѣдѣнію. Эти люди мало по малу далеко выдѣлились изъ толпы, какъ носители важныхъ религіозныхъ тайнъ. Они явились высшими натурами, пользовались благоговѣніемъ простыхъ людей и сами высоко цѣнили свою вѣщую мудрость. Въ сказкахъ и былинахъ вѣдуны и вѣдьмы постоянно превозносятся предъ народомъ и другъ передъ другомъ своими «премудростями и хитростями.» «Во стольномъ во городѣ въ Кіевѣ, хвалится одна вѣдьма въ былинѣ, а нѣтъ меня хитрѣе, мудрѣе.» Другая отвѣчаетъ ей: «а и ты, еретица! я тебя хитрѣе, мудрѣе.»

Одинъ только волхвъ, вѣдунъ зналъ сокровенныя тайны миѣческаго міросозерцанія, миѣческую связь разныхъ силъ природы, сокровенную силу и связь стихій, могъ разгадывать всякіе предметы и явленія, гадать, владѣлъ тайнымъ знаніемъ травъ, камней, воды, огня и умѣлъ совершить всякаго рода чародѣянія и превращенія въ природѣ. Одинъ только онъ былъ знакомъ съ тайною жизни, заключенной на островѣ Буянѣ, съ зловредными и благотворными силами, живущими тамъ, съ тѣмъ ключемъ въ морѣ окіанѣ, которымъ отмыкались и замыкались самыя недоступныя и непостижимыя тайны природы. Владѣя этими знаніями, вѣдунъ умѣлъ подобрать такія слова крѣпкія и могучія, поставить ихъ въ такое взаимное сочетаніе, что у него выходилъ полный образъ, выражавшій непостижимыя для всѣхъ отношенія тайныхъ силъ

къ жизни и ея различнымъ явленіямъ; онъ могъ въ своей молитвѣ — заговорѣ коснуться именно того изъ этихъ отношеній, которое требовалось въ данномъ случаѣ; его молитва — заговоръ прямо была въ цѣль, вызывала ту именно комбинацію тайныхъ силъ, ту самую ихъ дѣятельность, какая была нужна въ данное время. Могучее слово заговора было не только молитвою, но заклинаніемъ, которое имѣло крѣпость нерушимую, посредствомъ котораго можно было насильно вызвать божескую силу съ извѣстнымъ намѣреніемъ. Слово это было «укрѣпленіемъ, имъ же утверждались и замыкались» силы природы, было сильнѣе воды, выше горы, тяжелѣе золота, крѣпче горячаго камня Алатыря, клѣйче клѣю, солонѣе соли, «дѣйствовало по всядни, по вся часы, во дни и въ ночи, въ полудень и въ полночь.» Съ необычайной торжественностію вѣдунъ приступалъ къ своему могущему заклятію: «обтыкаюсь я частыми звѣздами, покрываюсь облакомъ», говорится въ началѣ заговоровъ. «Слово мое крѣпко», заключалъ онъ свой заговоръ. Запираю я заговоръ 77-ю замками и бросаю ключи въ океанъ-море подъ Алатырь камень. Кто камень Алатырь изложетъ, тотъ мой заговоръ превозможетъ; кто изъ моря всю воду выпьетъ, кто изъ поля всю траву выщипитъ, и тому мой заговоръ не превозмочъ, силу могучу не увлечъ. Какъ морю не высохатъ, камня Алатыря не видать, ключей не доставить, такъ и заговору не кончится.»

Такъ въ словѣ, —вышемъ проявленіи разумности, — человекъ впервые созналъ свое владычество надъ природою, которая тяготѣла надъ нимъ своимъ деспотическимъ вліяніемъ. Это слово, облеченное въ форму заговора, заклятія, впервые зазвучало рѣшительнымъ протестомъ духа противъ грубыхъ, матеріальныхъ силъ. Природа не

смѣть идти на перекоръ духу; онъ ея владыка. Она должна войти въ свои границы, ея облака должны дать удержанный дождь, ея поля должны зеленѣть, ея животныя должны тучнѣть и множиться, ея стихіи не должны производить мора и болѣзней, потому что онъ этаго хочетъ, онъ этаго требуетъ. Всѣ стихійные боги должны быть покорны вѣщему заклятію, должны исполнять требованія могущественнаго вѣдуна. Не удивительно, что могущество вѣдуна являлось простому народу въ какихъ-то грозныхъ формахъ; благоговѣніе, которымъ окружали его, было смѣшано съ чувствомъ религіознаго страха. По сказанію былинъ и народныхъ преданій вся природа приходила въ потрясеніе, когда на свѣтъ раждался новый вѣдунъ.

«А и на небѣ просвѣта свѣтель мѣсяць,
А въ Кіевѣ родился могучь богатырь
Молодой Волхъ Всеславьевичъ.
Подрожала мать сыра земля,
Сотряслоя славно царство индейское,
А и синее море всколебалоя
Для ради рожденья молода Волха Всеславьича;
Рыба пошла въ морскую глубину,
Птица полетѣла высоко въ небеса,
Туры да олени за горы пошли,
Зайцы, лисицы по чащницамъ,
А волки, медвѣди по ельникамъ,
Соболи, кунницы по островамъ.

Этой общей суматохой всей твари для ради рожденья молода Волха природа напередъ какъ бы выражала свое преклоненіе, свою покорность предъ вѣщей силой новорожденного вѣдуна.

Обратимся къ чародѣйской практикѣ волховъ, къ изображенію разныхъ сторонъ ихъ главной дѣятельности.

«Во времена язычества, говоритъ Шеппингъ, религія

обнимала собою всё способности и дарованія человеческого ума, всё знанія природныхъ силъ всё занятія и работы человеческой жизни. Въ область религіи входила мудрость и краснорѣчіе, поэтическое вдохновеніе, пѣснопѣніе, вѣщая сила чародѣйства и познаніе будущности; ею осѣнялась справедливость суда, врачеваніе болѣзни и счастье домашняго крова, — и все это воплощалось въ одно общее представленіе вѣщей мудрости волхва — чародѣя. Но какъ чародѣй только посредникъ между человекомъ и высшимъ божествомъ, то и чудеса, производимыя вѣдунами и вѣдьмами, не прямо отъ нихъ исходятъ, но посылаются человеку чрезъ ихъ посредничество, отъ высшихъ боговъ помощію заговоровъ, жертвоприношеній и обычныхъ обрядовъ. Всё повѣрья о вѣдунахъ и вѣдьмахъ, колдунахъ, волхвахъ представляютъ ихъ посредниками между людьми и божествами. Ихъ гаданія, врачеванія, заговоры носятъ на себѣ богослужебный характеръ жреческихъ дѣйствій, молитвъ, жертвоприношеній, разнаго рода языческихъ очищеній посредствомъ воды или огня и т. п. Бить чудеса имѣло значеніе религиозно-жертвенное, о которомъ смутное воспоминаніе и доселѣ еще хранится въ преданіяхъ и вѣрованіяхъ народа, но которое уже успѣло потерять свой прежній смыслъ и исказилось подъ вліяніемъ христіанства.

Вѣдьмы доселѣ представляются или старухами или дѣвками-красавицами. Для объясненія этаго повѣрья припомнимъ, что древніе языческіе обряды и жертвы совершались или старыми хозяйками семьи или чистыми дѣвками. Обыкновенный костюмъ вѣдьмъ — бѣлая рубашка, — указаніе на священныя бѣлыя одежды при обрядахъ. Самые эти обряды находятся въ тѣсной связи съ основными религиозными вѣрованіями. Мы уже видѣли нѣсколько

примбровъ, подтверждающихъ эту мысль въ описаніи обрядовъ разнымъ стихийнымъ божествамъ. Таковы: спрыскиваніе водою съ угля или золы, сожиганіе взятой изъ подъ ноги сльда, собираніе травъ и чары надъ ними, заговоры съ призываніемъ мѣсяца и звѣздъ и т. д. Сохранялись въ памяти народной указанія на богослужбыя соборница-колдуновъ и вѣдьмъ въ важнѣйшіе праздники язычества — колуду и купалу. Подъ влияніемъ христіанства эти богослужбыя соборница превратились въ дикіе шабашныя колдуновъ и вѣдьмъ съ дѣволами на Лысой горѣ, гдѣ они предаются несчастному веселью.

Замѣчательно, что чары колдуновъ и вѣдьмъ народная память связываетъ съ разными принадлежностями домашнего очага, она подтверждаетъ этимъ и священное значеніе послѣдняго во времена язычества и умость богослужбыя характеръ колдовскихъ дѣйствій. У вѣдьмъ всегда хранится вода, вскипяченная съ пепломъ отъ кулакаго котла. Она надбѣнъ на себя бѣлую рубашку, садеть на помело, ухватъ, лопату или другую принадлежность очага, обрызгаетъ себя водою и улетитъ въ трубу на Лысую гору. Здѣсь они неистово гуляють съ демонами. Всю вечеръ потѣхи начинаются съ 26 декабря, слѣдовательно какъ разъ въ праздникъ коляды, время самыхъ священныхъ обрядовъ язычества. 1-го января оргіа бсовская доходитъ до высшей степени, 3-го января истощенныя отъ лихой вѣдьмы жадно пьютъ молоко и задаютъ за корову 18-го совершенно чуждыя имъ отъ извѣстнаго веселья. На праздникъ купалы бѣнъ бываютъ собранія колдуновъ и вѣдьмъ на Лысой горѣ. Въ этомъ собраніи, въ соврѣменному народному повѣрью, бнъ деръ жать совѣщанія на паучьихъ людей и скота, собирають разныя зелья и варять ихъ. Дѣ таковой смелости и нечестивыя

здесь уже следы древних купальских обрядов, соби-
рания трав и возжигания священных костров. Велѣ-
ние своего общественного характера богослужение въ
купальскую ночь вѣроятно наиболѣе требовало особенныхъ
представителей народа для своего совершения, а потому
здесь особенно должно было развиваться священное жре-
ческое значение вѣдунговъ и вѣдьмъ. Собираніе зелий, имѣв-
шихъ такую большую важность въ древней суетворной
жизни, для врачеванія отъ болѣзней и предохраненія
всякой нечистой силы, необходимо должно было произво-
диться подъ руководствомъ людей обладавшихъ вѣдніемъ
тайныхъ силъ растительнаго царства. Когда христіанство
объявило бѣсовскимъ все, что относилось къ древнему
язычеству, собираніе травъ получило дурную цѣль — пагу-
бу людей и скота; эта цѣль навязана главнымъ органомъ
язычества — вѣдунамъ и вѣдьмамъ. Но еще доселѣ вѣра въ
благотворное дѣйствіе купальскихъ травъ, въ ихъ очисти-
тельную и цѣлебную силу указываетъ на древнее значе-
ніе обряда.

Подъ влияніемъ распространившихся въ народѣ новыхъ
христіанскихъ понятій вообще все, что относилось къ
колдовству и вѣдунству, получило бѣсовскій, мрачный и
зловредный характеръ. Волхвъ, въ противоположность
служителямъ истиннаго Бога, сталъ служителемъ бѣсовъ.
На колдуна и вѣдму стали смотреть, какъ на существа
злые, стоящая въ тѣсной связи съ дьяволами. Вѣра въ
нихъ, можно сказать, нисколько не ослабла; всѣ эти
чародѣи и чаровницы, зелиники, обаяники, сновидцы, об-
лагодорожники, лхія бабы и другіе оставались въ преж-
немъ уваженіи; народъ вѣрилъ ихъ необыкновенной силѣ
и со страхомъ прибѣгалъ къ ихъ чудотворнымъ знаніямъ,
а въ старину и правительство, преслѣдуя ихъ, не возвы-

шалось надъ народной вѣрой. Измѣнился только взглядъ на причину ихъ могущества. Составились цѣлые рассказы о томъ, какъ колдуны заключаютъ съ дьяволомъ договоръ, закладывая ему свою душу и закрѣпляютъ тотъ закладъ роспиской, которую пишутъ своею кровью. Всѣ дѣйствія колдуновъ стали вредными, служебнѣе нечистой силѣ, которая и повинуется имъ и вмѣстѣ господствуетъ надъ ними. Нечистая сила постоянно требуетъ отъ колдуна работы на пагубу людей, такъ что они должны прибѣгать къ хитрости; чтобы занять своихъ слишкомъ уже усердныхъ слугъ, заставляютъ ихъ напримѣръ считать листья въ лѣсу, вить веревки изъ песку или воды и т. п. Вѣдма тоже мстительное и злобное существо, дружится съ нечистою силою, гуляетъ съ нею по ночамъ и трудится только на пагубу людямъ. Самая наружность вѣдмъ получила демоническую принадлежность. По виду они обыкновенныя женщины, молодыя изъ нихъ даже очень красивы собой; но, если кто поинтересуется обратить свое вниманіе у нихъ на задъ, непременно замѣтитъ небольшой хвостикъ, который онѣ тщетно стараются скрыть, отъ этаго онѣ и обращаются обыкновенно все въ хвостатыхъ животныхъ.

У всѣхъ первобытныхъ народовъ священныя религиозныя тайны передавались по непрерывному устному преданію отъ отца къ сыну и переходили такимъ образомъ изъ рода въ родъ. Нѣкоторыя изъ этихъ тайнъ, изъятія изъ обиходнаго вѣдѣнія, наприм. заговоры и кудесническіе обряды, были извѣстны только старѣйшинамъ родовъ или даже однимъ вѣдунамъ и были передаваемы другимъ особенно торжественно; старшина рода или вѣдуны открывалъ свои таинственныя знанія и чары своему преемнику уже на смертномъ одрѣ. Память объ этомъ сохра-

нилась и въ христіанствѣ, но также въ извращенномъ видѣ. Дьяволы даютъ колдунамъ черную книгу, гдѣ изложены всѣ чародѣйскіе секреты; названіе ея *черная* (въ контрастѣ свѣтлой, красной) показываетъ ея нечистое, темное происхожденіе и значеніе; она ключъ къ колдовству; кто ее найдетъ случайно и станетъ читать, тому тотъ часъ же явятся черти съ требованіемъ для себя работы. Эту-то черную книгу, и оставляетъ колдунъ въ наслѣдство своимъ дѣтямъ. Передать ее кому нибудь вмѣстѣ съ своими секретами передъ смертью необходимо, иначе онъ не получитъ себѣ покоя послѣ смерти. Изъ гроба встанетъ колдунъ, чтобы исполнить эту обязанность, если онъ не успѣетъ этаго сдѣлать передъ смертью. Другіе принадлежности чародѣевъ—чернокнижниковъ также характеризуются эпитетомъ *черный*, наприм. черная кошка и черный пѣтухъ—необходимые спутники вѣдьмъ. Съ этими животными въ старину и казнили вѣдьмъ, сожигали или закапывали въ землю. По своему темному значенію, полученному въ христіанствѣ, вѣдьмы симпатизируютъ съ странюю тьмы-западомъ; съ своихъ разъѣздовъ и гулянокъ вѣдьма возвращается домой непременно съ западной стороны. Нельзя отвергать совершенно того, что могущество вѣдуновъ могло быть иногда страшнымъ, зловреднымъ и во времена язычества. Мы уже видѣли, что при недостаточномъ развитіи дуализма въ нашей миѳологіи, самыя даже свѣтлыя божества носятъ двойственный характеръ, производятъ и полезное и злоторное вліяніе на жизнь; очень немудрено, что и вѣдунъ, знавшій сокровенныя тайны и средства дѣйствовать на боговъ, могъ обратить свое знаніе во вредъ людямъ или изъ мести или по просьбѣ, по разнымъ случайнымъ обстоятельствамъ; но все таки онъ не могъ быть такимъ спе-

циалистомъ зла, коимъ онъ сталъ въ христіанское время. Онъ былъ служителемъ боговъ свѣтлыхъ и его сила была не силою тьмы, а силою, исходящей отъ высшихъ міровъ державныхъ существъ.

Къ кругу извращенныхъ повѣрій о колдунахъ и вѣдъмахъ относится всѣмъ известное повѣрье о томъ, будто они скрадываютъ свѣтила небесныя; это самое обычное ихъ занятіе особенно въ коляду и на купалу. Для объясненія этого повѣрья, г. Афанасьевъ въ своей статьѣ «о вѣдунахъ и вѣдмахъ» солижаетъ его съ однимъ болгарскимъ повѣрьемъ, которое говоритъ, что магесницы (вѣдмы) могутъ снимать съ неба мѣсяцъ, который тогда обращается въ корову; магесницы доятъ эту корову и приготавлиютъ изъ молока масло для врачеванія неизлечимыхъ болѣзней и для другаго чародѣйскаго употребленія. Это повѣрье переноситъ насъ въ область зооморфическихъ олицетвореній небесныхъ свѣтилъ въ образахъ коровъ, лошадей, небеснаго скота. Пользуясь этимъ собираніемъ, г. Афанасьевъ объясняетъ сказаніе о скрадываніи небесныхъ свѣтилъ тѣмъ, что оно первоначально имѣло благое значеніе; сила мольбы и вѣдовскихъ заговоровъ была такова, что свѣтлые боги плодородія и всякаго обилія непременно преклонялись въ пользу людей, испрошавшихъ вѣдомъ ономъ явную охоту отъ сылаи благотворную влагу, урожай и проч. Это пластически и выражалось подъ образомъ «доенія небесныхъ свѣтилъ». Это положеніе, говоритъ онъ, находитъ себѣ прямое подтвержденіе въ томъ, что свѣтъ небесныхъ свѣтилъ и теплота, разливаемая солнечными лучами, по стариннымъ повѣрьямъ, представляются небеснымъ молокомъ и вообще жидкостью. Магесницы доятъ луну и изъ нея молока приготавлиютъ чудесное масло; млечной путь, самъ называемъ своимъ говоритъ о древнемъ вѣрованіи, —

которое подтверждается досель сохранившимся преданием: молочной путь; по народному объяснению, есть молоко, не всосанное одним дитятею и разлитое по небу. Загадка: одна чаша масла всему свѣту доста, означает солнце. Свѣтъ и дождь понимались, какъ плодотворное молоко проливавшаея изъ сосцевъ небесныхъ коровъ. И солнечные лучи и дождь, и молния, и роса—всѣ эти явления даютъ плодородіе. Звѣзды и мѣсяцъ своимъ яркимъ свѣтомъ также вліяютъ на плодородіе всего, что рождается и что растетъ на землѣ... Пластическая сила языческихъ молений выразилась въ томъ, что вѣдуньи и вѣдьмы со- сущь и доятъ небесныхъ коровъ, которыя согреваютъ и орождаютъ землю и всему даютъ плодородіе.»

Не отвергая этого, впрочемъ очень истиннаго объясненія, можно представить другое болѣе простое и болѣе близкое къ непосредственному смыслу народа. Миѣ о скрадываніи небесныхъ свѣтилъ могъ прямо выродиться изъ переголкованныхъ выраженій древнихъ молитвъ при сообщеніи имъ дурнаго значенія. Сила этихъ молитвъ заговоровъ была такъ велика, что сводила божества на землю; они должны были явиться на кудеснической зовъ вѣдуна. Въ заговорахъ читаемъ: «мѣсяцъ ты красный, сойди въ мою клѣть. Солнышко ты привольное, взойди на мой дворъ! Звѣзды вы ясныя, сойдите въ чашу брачную! Сойди ты, мѣсяцъ, сними мою зубную скорбь, унеси боль подъ облака; твоя сила могуча.» Или: «обоясываюсь я частыми звѣздами, облакаюсь я облакомъ» и проч. Этотъ самоувѣренный вызовъ боговъ и получилъ значеніе скрадыванія небесныхъ свѣтилъ.

Такъ какъ вѣдуньи имѣли силу распоряжаться силами стихійныхъ боговъ, то имъ приписывалось могущественное вліяніе на погоду и плодородіе. Приводимъ нѣсколько

фактовъ изъ изслѣдованія г. Аенасьева. Знахарь можетъ располагать дождемъ и градомъ по желанію... Разъ сдѣлалась страшная буря, все небо почернѣло; но знахарь объявилъ, что дождя не будетъ. Вдругъ откуда ни взялся, летитъ къ знахарю черный человекъ на черномъ конѣ. «Пусти», говоритъ.— Не пушу, отвѣчаетъ знахарь. «Пусти, сдѣлай милость!» — Не пушу; за чѣмъ было такъ много набирать?— Ъздокъ уѣхалъ, тучи посизѣли и побѣлѣли: всѣ ожидали граду. Несется ко знахарю другой ѣздокъ весь бѣлый и на бѣломъ конѣ. «Пусти.» — Не пушу.— «Пусти, ради Бога!» — Не пушу; зачѣмъ было набирать такъ много?— «Эй пусти; не выдержу.» Тогда знахарь разогнулся и сказалъ: «ну, ступай! только въ той долинь, что за нивою. Ъздокъ исчезъ и градъ зашумѣлъ въ долинь за нивою. О вѣдмахъ тоже извѣстно, что они крадутъ дождь и росу съ неба, уносятъ ихъ въ завязанномъ горшкѣ или въ мѣшкѣ и насылаютъ градъ и бурю. Обиліе и плодородіе также много зависитъ отъ нихъ. Вотъ одинъ расказъ въ этомъ родѣ. Жили три брата и занимались звѣриною и рыбною ловлею. И тотъ и другой промыселъ былъ для нихъ всегда счастливъ: закинуть сѣти, а они уже полны рыбою; зайцы сами бѣгутъ на выстрѣлъ. А дѣло въ томъ, что у нихъ была мать вѣдьма. Разъ братья рѣшились ее испытать; взяли тайкомъ тенета и ружья и пошли на охоту за зайцами, а матери сказали: идемъ рыбу ловить. И что же? Раскинули тенета и вмѣсто зайцевъ полезли въ нихъ окуни, караси и лещи.

Уничтоживъ доброе значеніе вѣдунства, христіанство дало поводъ къ вѣрованію, что вѣдьмы могутъ задерживать плодородіе, отнимать у хлѣба спорыню. На украинѣ доселѣ говорятъ: какое пространство земли вѣдьма можетъ

окинуть своимъ взоромъ, на такое можетъ наслать голодъ и моръ. Болѣе грубое представление о пагубной силѣ вѣдьмъ хранится въ повѣрью о замонахъ ржи. Извѣстный намъ обрядъ завиванія бороды волосу передъ жнитвомъ есть предохранительное средство отъ заломовъ. Какъ водится, вѣдьмамъ первоначально принадлежало это предохранительное завиваніе хлѣбныхъ колосьевъ, религиозное посвященіе ихъ волосу. Потомъ съ распространеніемъ христіанства явилось зловерное завиваніе ихъ, заломы. Злой знахарь беретъ горсть стеблей, ломаетъ ихъ въ правую сторону, а завиваетъ въ лѣвую. Въ узелъ кладетъ золы, соли, могильной земли, также распаренныя зерна, уголь и яичную скорлупу. Если не разведетъ залама хорошей знахарь, скотъ падетъ у хозяина нивы, домъ сторгить, сгинетъ вся семья и вся родня и проч. Особенно опасно скосить или сорвать куклу или закрутъ. Этими повѣрьюми прекрасно объясняется древнее дѣтское извѣстіе о томъ, какъ волхвы, явившіеся во время голода въ XI вѣкѣ сваливали всю вину народнаго бѣдствія на старыя женщины, говоря, что они «держатъ гобино», и многихъ изъ нихъ предали смерти. Эти дуршія, старыя жены были по всей вѣроятности старшія женщины въ семьяхъ, которыя совершали языческія обряды и получили значеніе вѣдьмъ. Въ старину, по свѣдѣтельству преданій, при всякой повальной болѣзни закапывали въ землю бабу, заподозрѣнную въ злыхъ умыслахъ и зломъ чародѣйствѣ. Въ Украинѣ существуетъ сказаніе взятое изъ судебныхъ актовъ, какъ одна злая и пьяная баба, поссорясь съ своей сосѣдкой, обвинила ее въ скрадываніи росы. Обвиненную признали вѣдьмой и торжественно предали сожженію.

Земледѣльцы просятъ вѣдуновъ о погодѣ и плодородіи,

скотоводъ прибѣгалъ къ нимъ съ просьбой, чтобы они дали приплодъ его скоту, молоко его коровамъ и проч. Сдѣлавшись злымъ существомъ, вѣдьма стала портить коровъ, задаивать ихъ. Замѣчательно, что самымъ обычнымъ временемъ для задаиванія коровъ доселѣ остались коляда и купало, когда совершались главные обряды для испрошенія у боговъ всякаго рода обилія и довольства. Въ это же время вѣдьмы забъзаютъ лошадей, отправляясь на нихъ на лысую гору. Есть особенные обряды для предохраненія скота отъ порчи, которые во времена язычества по всей вѣроятности совершались вѣдунами и вѣдьмами, а теперь обращены противъ нихъ самихъ. По клевамъ тычутъ разныя предохранительныя травы, а въ купалу переводятъ скотину черезъ зажженные костры или кучи колючихъ растений. Другіе обряды совершаются въ день св. Василя и Юрьевъ, весной, когда въ язычествѣ праздновали живительному солнцу и покровителю скота — волосу. И снова встрѣчаемся въ это время съ тѣмъ же извращеннымъ значеніемъ вѣдуновъ и вѣдьмъ. Въ день св. Василя оборотни въ видѣ черныхъ собакъ и кошекъ сосутъ молоко у коровъ и овецъ, душатъ лошадей и наводятъ на скотъ падежъ. На зарѣ же юрьева дня (23-го апрѣля) знахари и вѣдьмы выходятъ въ поле, разстилаютъ по рѣсѣ холстъ; потомъ накрываютъ имъ коровъ, и отъ того эти становятся тощими и недойними. Вѣдьма можетъ испортить коровъ на такое пространство, какое можетъ окинуть своимъ взглядомъ. Тоже самое говорится о скрадываніи дождя.

Также видоизмѣнилось и обратилось во враждебное, лихое, прежнее благотворное отношеніе вѣдьмъ къ людямъ.

Съ понятіемъ знахара, вѣдуна, волхва всегда соединялось понятіе о врачеваніи отъ болѣзней. Народные обряды

и повѣрья не оставляютъ никакого сомнѣнiя въ томъ, что лекарское искусство всегда составляло одну изъ важнѣйшихъ хитростей - мудростей колдуновъ. Встарину всякую болѣзнь считали дѣйствиємъ злой силы; избавиться отъ нея можно было только посредствомъ религiозныхъ обрядовъ, для совершенiя которыхъ и призывали волхвовъ. И доселѣ еще народная медицина состоитъ въ волшебствѣ и главнымъ образомъ основывается на окуриванiи, сбрызгиванiи или умыванiи, дуновенiи, также различнаго рода заклятiяхъ и заговорахъ. Деревенскiй знахарь вездѣ пользуется гораздо большимъ довѣрiемъ, чѣмъ самый опытный врачъ. Знахарь вообще самое необходимое лице въ деревнѣ. Съ нимъ всѣ совѣтуются, онъ призывается на помощь во всѣхъ важнѣйшихъ случаяхъ жизни, безъ него часто вовсе нельзя обойтись. Для прогнанiя нечистой силы, чужаго домоваго, кикиморы и разныхъ духовъ необходимо обратиться къ колдунамъ. У нихъ просятъ помощи, когда приключится какая нибудь бѣда, нападетъ на сердце кручина, случится пропажа, угрожаетъ врагъ, мужъ жену не любитъ, свекоръ или свекровь лихи, и въ разныхъ другихъ случаяхъ. Они же занимаются всякаго рода гаданiями и предсказанiями. Богослужебное значенiе колдовства, очистительные обряды, заговоры, заклинанiя выступаютъ здѣсь очень выразительно и тѣмъ несомнѣннѣе становится то, что вредъ отъ чародѣйства уже позднѣйшее христiанское явленiе, происшедшее отъ искаженiя первичныхъ вѣрованiй.

Знахарь, вѣдунъ призывался въ старину при рожденiи человѣка и освящалъ новорожденнаго, нарекалъ ему имя, навязывалъ ладонку, амулеты (наузы), которые служили предохранительнымъ средствомъ отъ глаза и нечистой силы. Въ словѣ св. Кирилла говорится, что баба «начтетъ на

дѣти наузы класти, смѣривати, плююше на землю, рекше бѣса проклинаеть... творится дѣти врачующе». Даже въ XVI вѣкѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ новгородской области носили дѣтей не къ священникамъ, а къ чуждымъ арбулямъ, и эти нарекали имя младенцу и дѣлали надъ нимъ волхвованія. Нечистая сила, враждебная всякой жизни, особенно старается портить всякій плодъ и рождение. Отъ этого, по народнымъ повѣрьямъ нигдѣ нѣтъ столько на-костей отъ нея, какъ при бракѣ. «Свадьба безъ дивъ не бываетъ», говоритъ пословица. Колдунъ считается необ-ходимымъ лицомъ при всѣхъ свадебныхъ обрядахъ; онъ защищаетъ молодыхъ и свадебный поѣздъ отъ всякой не-чистой силы и чаръ. Онъ ѣдетъ впереди всего свадебнаго поѣзда съ озабоченнымъ лицомъ, озираясь по сторонамъ, нагнѣвая и размахивая по временамъ руками; это зна-читъ, что онъ борется съ нечистою силою, которая стро-итъ молодой четѣ козни. Но въ то же время колдунъ мо-жетъ испортить молодыхъ, скрыть у невесты половой органъ, сдѣлать жениха безильнымъ, отнять у женщины плодородіе, или вдругъ ни съ того ни съ сего молодья возненавидѣть другъ друга, и съ самаго же начала ру-шится семейное счастье. Въ простонародьи серьезно вѣ-рятъ, что колдуны могутъ жениха, невесту и весь поѣздъ сглазить и обратить въ стадо волковъ или собакъ, для чего они будто бы варятъ медвѣжье сало или сушатъ волчье сердце и потомъ это снадобье бросаютъ на дорогу гдѣ ѣхать поѣзду. По рассказамъ, во время свадебной по-пойки вдругъ найдеть на гостей скорбь и начнутъ они кликать безъ ума и памяти. Повѣрья говорятъ, что злоб-ныя колдуны и вѣдьмы могутъ испортить младенца еще въ утробѣ матери. Если стрекочетъ сорока, то беремен-ная женщина не должна выходить изъ избы. Въ сороку

можетъ быть, обратилась какая нибудь вѣдьма; она или испортитъ младенца на весь вѣкъ или выкрадетъ его изъ утробы матери. Рожденіе уродовъ въ старину объясняли порчей младенца, произведенной чрезъ колдовство. Во время беременности и потомъ послѣ рожденія до крещенія особенно нужно беречь дѣтей отъ злаго волшебства.

Точно тоже относительно врачеванія болѣзней. Какъ ни велика въ этомъ отношеніи сила знахарей и колдуновъ, но со всѣми его благами дѣйствіями повѣрья соединяютъ теперь нѣчто страшное. Колдунъ всегда можетъ произвести зло и порчу; по самой природѣ онъ уже зло, и если дѣлаетъ когда добро, то за просьбы, деньги и покорище. Большею частію они не только не врачуютъ болѣзни, но даже сами насылаютъ ихъ, сушатъ человѣка, насылаютъ на него мору, отводятъ глаза, такъ что ему все представляется въ обманчивыхъ образахъ. Томить сухота сердечная, вѣсь пить не хочется, свѣтъ бѣлыи не милъ, — напустили, можетъ быть изъ подъ вѣтру или со слѣда, а можетъ быть зелья чревоотравнаго дали, что собирала чаровница въ ночь купалы. Лихой колдунъ, знающій искусство возбуждать вѣтры, направлять ихъ своими заговорами, когда угедно, производить вѣтеръ, потомъ бросаетъ по нему пыль и приговариваетъ, чтобы такъ по вѣтру понесло пыль на такого-то человѣка, чтобы его корчило, мяло, раздувало, сушило и проч. Если обреченная жертва попадетъ подъ вѣтеръ, съ ней случится все, что ей пожелаетъ колдунъ, или же колдунъ выберетъ слѣдъ изъ подъ ноги, замуруетъ его въ печи или сожжетъ, и тотъ, изъ подъ чьей ноги его выберутъ, непременно иссохнетъ. Кликанье также происходитъ отъ колдовской порчи. Кликуши всегда убѣждаютъ, что въ нихъ сидитъ столько-то демоновъ и что ихъ наслалъ такой-то

колдунъ. Колдуну или вѣдмѣ вообще ничего не стоитъ, по народному повѣрью, насажать въ человѣка бѣсовъ или какихъ нибудь гадостей.

Колдунъ можетъ даже совершенно извратить природу человѣка, оборотить его въ животное. Вѣра въ оборотней всегда была очень распространена въ народѣ. Чародѣи, чтобы имъ удобнѣе было вредить людямъ, постоянно обращаются въ разные образы. Умѣнье оборачиваться перечисляется въ числѣ главныхъ мудростей чародѣя. Былина о Волхѣ Всеславичѣ рассказываетъ.

«Въ тапоры учился Волхъ премудростямъ:

А и первой премудрости учился —

Обертываться яснѣмъ соколомъ,

Ко второй премудрости учился —

Обертываться сѣрымъ волкомъ,

Ко третьей премудрости учился Волхъ

Обертываться гнѣдымъ туромъ-золотые рога».

Мы уже приводили свидѣтельство Іоанна ексарха болгарскаго, которое объясняетъ самый процессъ превращеній: «се же есть первое: тѣло свое хранить мертво и летаетъ орломъ и ворономъ и ястребомъ и дятломъ, рыщутъ лютымъ звѣремъ и веиремъ дикимъ и волкомъ, летаютъ змѣемъ, рыщутъ рысью и медвѣдемъ». Т. е. эти образы принимаетъ на себя душа вѣдуна въ то время, какъ замираетъ его тѣло. Это замиранье тѣсно связано съ тѣмъ изступленемъ, которымъ большею частію сопровождаются священные обряды и въ современныхъ языческихъ религіяхъ. Славянскій волхвъ навѣрное прибѣгалъ къ тѣмъ же поразительнымъ для толпы средствамъ, къ какимъ прибѣгаетъ наприм. сибирскій шаманъ, который, возбуживъ въ себѣ изступленіе пѣніемъ и дикой пляской, катается въ судорогахъ предъ трепещущей отъ страха толпой и кричитъ голосами разныхъ животныхъ. Доселѣ

сохранилось повѣрье, что колдунъ, произнося заговоры, слабѣетъ, теряетъ силы. Въ своемъ священномъ восторгѣ, вѣдунъ, какъ вѣщій Боянъ въ «словѣ о полку Игоревѣ», растекался мыслію по древу, сѣрымъ волкомъ по землі, сизымъ орломъ подь облаки, скакалъ соловьемъ по мысленному древу, леталъ умомъ подь облаки, рыскалъ въ трою троюно черезъ поля на горы. Вѣщая душа, отдѣляясь отъ тѣла, сообщалась съ міромъ боговъ, получала даръ вѣденія и предвѣщаній.

При затемнѣніи древнихъ вѣрованій всѣ эти эпическія представленія огрубѣли. Вѣшіе колдуны стали превращаться въ разные образы не только душею, но и тѣломъ, на самомъ дѣлѣ. Натретъ вѣдунъ или вѣдьма подь мышками сокомъ травы тирлича, или ударится головой объ землю, перевернется черезъ 12 ножей, — и сей часъ же оборотится, во что вамъ угодно. Это оборотни злые, добровольные; они вредятъ всему, задаиваютъ коровъ, сосутъ кровь у спящихъ людей и проч. Люди, насильно обороченные въ животныхъ по злобѣ вѣдьмъ, оборотни невольные и никому не вредятъ. Считаемо излишнимъ приводить здѣсь многочисленные и всѣмъ болѣе или менѣе извѣстные рассказы объ оборотняхъ, о томъ наприм., какъ мужикъ подь шкурой убитаго имъ медвѣдя нашель бабу въ сарафанѣ, — вѣдьму, какъ одинъ старикъ, схвата за хвостъ сороку, увидалъ у себя въ рукъ бабью рубашку, а сорока улетѣла и т. п. Сорока, какъ рассказываютъ, была прежде вѣдьмой, но осталась такою, потому что у нея украли во время ея превращенія ножи, черезъ которые она перекидывалась. Вѣдьмы всего болѣе любятъ превращаться въ эту птицу, на которую въ народѣ смотрятъ очень недоброжелательно, какъ на нечистую. Отъ этого вѣдьмы ничего столько и не боятся, какъ убитой

сороки. Если убитую сороку повѣсить въ коровьемъ кле-
ву, вѣдьма ни за что не пойдетъ туда задавать коровъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ чародѣйство получило зловерное
значение, стало нужно употреблять противъ него предо-
хранительныя средства. И здѣсь его прежнее значение
выразительно обнаруживается въ томъ, что для избавленія
отъ порчи и колдовства прибѣгли за помощью къ чаро-
дѣямъ же. Старое и новое значение ихъ видимо путаются
и перемѣшиваются между собою. Одни колдуны портятъ,
другихъ призываютъ снимать эту порчу, предохранять отъ
нея или угадывать, кто испортилъ. Колдуны вступили
между собою въ борьбу своимъ искусствомъ; одинъ ста-
рается своимъ вѣдовствомъ уничтожить вѣдовство другого.
Заговоры, которые приносились язычниками вѣдунами
въ защиту отъ нечистой силы, обратились противъ нихъ
самихъ; въ нихъ стали просить защиты «отъ бабихъ за-
зоръ, отъ хитраго чернокнижника, отъ заговорнаго ку-
десника, отъ яраго волхва, отъ слѣпаго знахаря, отъ
вѣдьмы кievской и злой сестры ея муромской». Противъ
нихъ же стали употреблять разныя травы и другія сред-
ства, заимствованныя изъ языческихъ обрядовъ, которые
совершали прежде волхвы въ защиту отъ нечистой силы,
смерти и болѣзней. На западной сторонѣ домовъ или цѣ-
лой деревни разсыцаютъ наприм. золу изъ 7 печей или
воиваютъ осиновыя колья, потому что вѣдьмы всегда воз-
вращаются съ запада. Зола здѣсь представительница вѣ-
рующей въ благодѣтельную силу домашнего очага. Осина
въ язычествѣ вѣроятно имѣла доброе значение, какъ де-
рево жизни, вѣчно трепещущее своими листьями. Она,
какъ извѣстно, употребляется противъ упырей или вам-
пировъ, колдуновъ, которые встаюгъ изъ могилы для
того, чтобы сосать кровь живыхъ людей. Такого мертве-

ца, тоже всегда колдуна, отрываютъ въ могилѣ и вбиваютъ ему въ грудь осиновый коль. Но и осина раздѣлила въ христіанствѣ общую судьбу всѣхъ принадлежностей язычества, получила дурное значеніе; на ней удавился Иуда. Въ заключеніе всего и въ довершеніе новаго демоническаго значенія вѣдьмъ прибавимъ, что вѣдьму и бить нужно не просто, а на отмашь, какъ обыкновенно чертей бьютъ.

(Продолженіе будетъ.)

ИЗЪ ИСТОРИИ ОРАНСКОЙ ПУСТЫНИ.

ВРЕМЯ ОТЪ ПОСТРОЕНІЯ ОБИТЕЛИ ДО УЧРЕЖДЕНІЯ ШТАТОВЪ (1634—1764 г.)

(Продолженіе.)

Между тѣмъ, какъ стѣсняемая Мордвою въ своихъ владѣніяхъ, обитель до поры до времени терпѣливо переносила свою тяжкую долю, новая гроза, новая опасность собиралась на нее, и тѣмъ болѣе страшная, что жертвою ея могъ сдѣлаться самъ престарѣлый основатель ея, Петръ Андреевичъ Глядковъ. Устроивши обитель и обезпечивъ ее всѣмъ нужнымъ, Глядковъ первоначально не жилъ въ ней и только по временамъ пріѣзжалъ сюда изъ отчины своей, Бочеева, для наблюденія и хозяйственныхъ распоряженій. Непосредственное завѣдываніе обителью представлено было имъ упомянутому нами іеромонаху Феодориту, который вмѣстѣ былъ и единственнымъ священникомъ новоустроеннаго храма. Такъ прошло около 8 лѣтъ. Глядковъ состарѣлся и желая быть погребеннымъ въ

основанной имъ пустыни, рѣшился провести въ ней остатокъ своей жизни. Въ 1642 г. онъ отписаль на пустынь «на вѣчное поминование своего рода» все свое имѣние, состоявшее въ 40 дворахъ крестьянъ, со всею землею и и угодьями, и, принявъ иноческій санъ подъ именемъ Павла, переселился въ обитель. Не принимая священства, котораго онъ считаль себя недостойнымъ, Павелъ принялъ однако управление обителью и несмотря на мастиную старость (ему было около 60 лѣтъ, когда постригся), въ теченіи 23 лѣтъ неусыпно заботился объ ея благѣ и спокойствіи. Для большаго удобства обители онъ переселилъ къ ней часть пожертвованныхъ крестьянъ своихъ. Мѣсто поселенія ихъ первоначально было въ двухъ верстахъ отъ монастыря и они исправляли всѣ полевые работы, въ которыхъ нуждался монастырь для своего прокормленія и обихода (1). Наступилъ 1656 годъ. Въ это

(1) О числѣ и самыхъ именахъ этихъ переселенцевъ сохранилась въ монастырскихъ актахъ выпись изъ нижегородскихъ писцовыхъ книгъ, данная Гладкову по его просьбѣ для сыска бѣжавшихъ съ новаго поселенія людей. Вотъ она: «Выписъ съ нижегородскихъ книгъ переписи князя Ивана Шеховскаго, да подьячего Прокофья Симанова въ 7154 (1646) году. Въ Закудемскомъ стану написано, сверхъ писцевыхъ книгъ объявилось о пустыни Словенския горы за Богородицкимъ монастыремъ, у монастыря дворъ монастырской поставленъ для проѣзжихъ людей, и въ немъ живеть старецъ; да къ тому жъ монастырю поле поляна, а на немъ дворъ скотной, а живеть въ томъ дворѣ дворникъ Микифоръ Ивановъ; да Бобыльскихъ дворовъ: дворъ Ѳомка Алексѣевъ, у него сынъ Ивашка; дворъ Евстѣихей Андреевъ; дворъ Левка Фроловъ; дворъ Ѳедька Ивановъ, у него сынъ Иванка; дворъ Данилко Панкратѣевъ; дворъ Ивашко, Гришка Борисовы дѣти, у Ивашки сынъ Данилко, у Гришки сынъ Андриушка; дворъ Ѳомка Лукояновъ; дворъ Карпунька Козминъ и дворъ Петрушка Михайловъ. Да на бору дворъ поставленъ для проѣзжихъ людей на большой дорогѣ, а въ немъ живеть старецъ для милостыни на пропитаніе братіи. И всего за Богородицкимъ монастыремъ десять дворовъ, а въ нихъ шеснацать человекъ. Одинъ дворъ скотной, а въ немъ одинъ человекъ. А дана сія выпись строителю старцу Давиду Гладкову съ братіею на ихъ монастырскихъ крестьянъ по ихъ челобитью и по помѣстѣ и выпискѣ дьяка Степана Венедиктова для сыску бѣглыхъ крестьянъ въ нынѣшнемъ въ 272 (1663) году». Подлинную выпись въ концѣ по склейкамъ скрѣпилъ дьякъ Андрей Яковлевъ (Акт. Оранск. мон. л. 2.)

время по Россіи свирѣпствовала моровая язва и многіе пали подъ ея смертоносными ударами. Одинаковой участи съ другими городами и селеніями подверглась и Словенская пустынь. Отъ всей братіи осталось въ монастырѣ только трое: самъ настоятель, Глядковъ, монахъ Ефремъ да Андрей, бывшій монастырскимъ работникомъ. Остальные же умерли или разбѣжались. Этому-то послѣдному и пришла въ голову нечестивая мысль — воспользоваться безлюдіемъ пустыни и убить настоятеля съ монахомъ, чгобы на свободѣ пожитья оставшимся добромъ. По сказанію монастырской рукописи, Глядковъ спасся чудомъ отъ этого умысла. Разбойникъ невидимо силою остановленъ былъ у самыхъ дверей настоятельской кельи. Пораженный ужасомъ, но не раскаяннымъ, онъ тотчасъ-же бѣжалъ изъ монастыря въ Борцово, къ Мордвѣ, гдѣ его рассказъ о безлюдствѣ пустыни и богатствѣ ея снова пробудилъ старую ненависть и корыстолюбіе нехристей. Въ помощь себѣ Борцовская Мордва пригласила и жителей сосѣднихъ, одноплеменныхъ поселеній. Но не довѣряя еще вполнѣ работнику и опасаясь какой нибудь ловушки, они не пошли открыто въ монастырь, а послали сначала развѣдать, дѣйствительно ли такъ, какъ было передано имъ. Посланные сказались въ монастырѣ, что они русскіе, идутъ изъ Москвы и вотъ уже третій день какъ ничего не ѣли, такъ какъ негдѣ было попросить или купить съѣстнаго. Не смотря на ясность обмана, Глядковъ простодушно повѣрилъ сказанному и съ радостіемъ предложилъ имъ, что Богъ послалъ. Веротившись къ своимъ, посланцы подтвердили слова работника. Но помощь мірской силы съ избыткомъ вознаградилась для монастыря помощію силы небесной. Лишь только Мордва подошла къ воротамъ обители, они растворились сами собою и

множество народа бросилось на нечестивых разбойников. Испуганные, изумленные, они думали уже только о собственномъ спасеніи и рады были, когда по добру по здорову добрались до домовъ своихъ. Урокъ впрочемъ скоро былъ забытъ. И не прошло мѣсяца, какъ демонъ-искуситель опять подбилъ ихъ идти на монастырь. Ночью, тихонько подкрались они, уже вошли въ обитель, но тоже чудное видѣніе вой небесныхъ, внезапно явившихся предъ ихъ глазами, снова заставило ихъ обратиться въ бѣгство и снова спасло обитель отъ ихъ хищническаго набѣга. Между тѣмъ ни самъ Глядкоу, ни оставшійся монахъ Ефремъ ничего этого не знали и не подозрѣвали, какой опасности подвергались и они и ихъ обитель. Все это стало извѣстнымъ уже спустя нѣсколько времени, когда пришла въ обитель «добрая Мордва» и рассказала. Работникъ же, виновный въ этомъ, тоже былъ постигнутъ Божественною карою. Онъ умеръ внезапно, возвращаясь съ Мордвою изъ послѣдняго ея набѣга, и былъ брошенъ безъ погребенія. Спасенный заступничествомъ Богоматери, Глядкоу еще съ большимъ рвеніемъ занялся дѣлами своей обители. Снова стеклись къ нему любители монастырскаго уединенія и подвиговъ, снова начались козни и продѣлки сосѣдней Мордвы. Управившись съ послѣднею при помощи царской грамоты, Глядкоу имѣлъ еще радость видѣть умноженіе матеріальныхъ средствъ обители отъ вклада своихъ родственниковъ. Въ 1665 году, два сына его Иванъ и Алексѣй Петровичи, слѣдуя примѣру своего лагочестиваго родителя, дали монастырю вкладную грамоту на принадлежавшихъ имъ крестьянъ села Бочеева. Около того времени третій сынъ, Михаилъ Петровичъ подарилъ обители свою отчину, находившуюся въ Пензенскомъ уѣздѣ, Засурскаго стана, въ сельцѣ Архангель-

скомъ. Неизвѣстно какъ великъ былъ даръ первыхъ двухъ. Михаилъ же Петровичъ отписалъ на монастырь 60 четвертей земли съ поселенными на ней бѣглыми крестьянами той же Оранской пустыни (²). Близкіе родственники строителя Андрей и Петръ Ивановичи Глядковы присоединили къ этому въ томъ же 1665 году 13-го марта половину двора съ огородомъ и садомъ, принадлежавшаго

(²) Запись эта находится въ актахъ монастыря въ числѣ немногихъ уцѣлѣвшихъ бумагъ того времени. Считаемо не лишнимъ привести ее до слова. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь. Азь многогрѣшный рабъ Его, Михаилъ Петровичъ сынъ Глядковъ, ревнуя поревновахъ по Господѣ Бозѣ Вседержителѣ, по обѣщанію своему отдалъ вкладу Чудотворному образу Божія Матери Владимірскія, Нижегородскаго уѣзду Оранской пустыни, еже есть на Словенской горѣ, вкладу въ Пензенскомъ уѣздѣ, въ Засурскомъ стану, въ сельцѣ Архангельскомъ, Чертовка тожь, помѣстной своей земли двадцать четвертей въ полѣ, а въ дву по томужь съ лѣсы и сѣнными покосы и усадьбы со всѣми угоды и на той земли тщаніемъ моимъ многогрѣшнымъ собраны изъ бѣговъ и поселены избѣглые крестьяне оной пустыни: Петръ Алексѣевъ, у него сынъ Алексѣй, да Матѣей Алексѣевъ, да Ѳедосѣй Алексѣевъ, да Сидорка Тимоѣевъ съ женами съ дѣтьми и по немъ наслѣдникамъ своимъ и потомкамъ завѣщаваю оную мою землю и съ помянутыми крестьяны отъ оной святой обители не отлучать; а кто похочеть сіе дерзновение учинить, реченную вкладную или землю или крестьяны отъ оной обители отлучить, или пожелаетъ отъ того суетные себе пользы ради, да будетъ на томъ клятва св. апостоль и св. отецъ; наипаче всепокорнѣ прошу, дабы сію святую обитель и паки всякими вещьми награждать, а не отымать; по неже бо азь многогрѣшный о реченной обители извѣстно испытахъ, истинно бо мѣсто то, гдѣ сія обитель, свято есть, и неизреченныя Божія Матери отъ чудотворнаго Ея образа точатся чудеса съ вѣрою просящимъ вся благая и полезная даруетъ. Такожъ прошу и молю, аще наведеніемъ супостата нашего впредь отъ оной обители вкладные крестьяне пожелаютъ на тое землѣ или въ другія мѣста бѣгать и жить, дабы ихъ ловить и за такое скотское и неслыханное дерзновение жестоко наказывать кнутомъ, посылать на старое и ко оной обители жилище, дабы то святое мѣсто паче прославлено было, а не пусто. А сіи бѣглые крестьяне или которые нынѣ есть въ бѣгахъ, по нуждѣ только наъ низовыхъ краевъ на оной моей землѣ, жить позволяется, аминь. Къ сему вкладному письму Камиссаръ Михаилъ Петровъ сынъ Глятковъ руку приложилъ, что вышеписанную свою землю двадцать четвертей въ полѣ а въ дву по томужь съ усадьбами и со всѣми угоды ко оной Оранской обители вѣчно вкладъ приложилъ, въ томъ и подписуюсь своеручно.»

имъ въ Нижнемъ Новгородѣ на Никольской улицѣ, такъ что съ этого времени Оранскіе монахи имѣли свое собственное подворье, гдѣ могли останавливаться, бывая въ Нижнемъ (³). Но 1665 годъ, такъ богатый дарами для обители, былъ вмѣстѣ и послѣднимъ годомъ жизни для ея настоятеля. Предчувствуя, вѣроятно, скорую свою кончину, Глядко въ не задолго предъ тѣмъ принялъ образъ большой схимы, не оставляя однакожъ заботъ по управленію монастыремъ. О печальныхъ обстоятельствахъ страдальческой смерти Глядкова сохранилось только устное преданіе, подтверждаемое впрочемъ монастырскимъ синодикомъ, гдѣ онъ записанъ подъ именемъ «убіеннаго схимонаха Павла». Преданіе это говоритъ слѣдующее. Молва о многочисленныхъ богомольцахъ, стекавшихся на поклоненіе чудотворной иконѣ и приносимыхъ ими пожертвованіяхъ побудила нѣкоторыхъ злонамѣренныхъ людей ограбить обитель. Была ли это окрестная Мордва, все еще злившаяся на обитель, или какая нибудь изъ разбойничьихъ шаякъ, бродившихъ въ тѣхъ мѣстахъ, неизвѣстно. Ночью ворвавшись злодѣи въ монастырь и разсыпались по церкви и кельямъ для грабежа. Восьмидесятилѣтній настоятель, услыша необычайный шумъ и понявъ въ чемъ дѣло, бросился было на колокольню, чтобъ укрыться отъ враговъ, а быть можетъ и ударить въ набатъ—повѣстить монастырскихъ крестьянъ. Ему не удалось ни то ни другое: бѣгство было замѣчено и вслѣдъ же за нимъ явились и злодѣи. На колокольнѣ схватили они старца и безжалостно потащили за ноги внизъ по

(³) Домъ этотъ со всѣмъ надворнымъ строеніемъ сгорѣлъ въ 1762 г. и такъ какъ средства обители тогда были крайне ограничены, то и не былъ возобновленъ. Пустыремъ значилось это мѣсто и въ переписи 1765 года.

ступенямъ. Отъ ударовъ голова его была прошибена и кровь обогрела всю лѣстницу. Помощи ждать было не откуда. Монастырская братія, безсильная и числомъ и старостью, ничего не могла сдѣлать, какъ только заботиться о собственномъ спасеніи. А крестьяне жили тогда еще далеко, верстахъ въ двухъ отъ обители и ничего не знали объ ужасномъ несчастіи, постигшемъ пустынь. Глядковъ былъ замученъ. Насытивъ свое звѣрство и корыстолюбіе, злодѣи удалились безнаказанно, а несчастная жертва ихъ насилія была съ честію погребена собравшимися пустынно жителями. Мѣсто, гдѣ положено было тѣло, этого перваго и единственнаго мученика пустыни, неизвѣстно. Въ 1831 году, при строителѣ Исаи, когда рыли землю для основанія новаго храма, открытъ былъ гробъ съ тѣломъ инока въ полномъ монашескомъ облаченіи. Гробъ былъ старинный, изъ выдолбленнаго цѣльнаго дерева, и на этомъ самомъ мѣстѣ стоялъ некогда первоначальный храмъ обители. Судя по этимъ даннымъ, многіе догадывались, что это и есть останки основателя пустыни, но вѣрнаго ничего не открыли. Гробъ былъ перенесенъ на другое мѣсто и снова зарытъ въ землю.

Печальная катастрофа, разразившаяся надъ обителью, не прекратила однако ея существованія. Монахи, разбѣжавшіеся при набѣгѣ разбойниковъ, снова возвратились и отдавъ послѣдній долгъ настоятелю, снова начали свою пустынножизненную, труженическую жизнь. Мѣсто Глядкова заступилъ теперь опять іеромонахъ Θεодоритъ, еще прежде управлявшій пустынью. Для обезпеченія же отъ новыхъ нападеній со стороны «темныхъ людей», монастырскіе крестьяне переселены были къ самымъ стѣнамъ обители, на то мѣсто, гдѣ и нынѣ стоитъ деревня Поляна или Оранки. При небольшомъ числѣ братіи довольно

обезпеченная въ матеріальномъ содержаніи дарами Глядковыхъ, обитель съ этого времени надолго успокоилась и отъ внѣшнихъ опасностей. Близость крестьянскаго селенія, откуда во всякое время могла быть подана помощь противъ вражьяго набѣга, держали и Мордву и разбойниковъ въ почтительномъ отдаленіи отъ св. пустыни и дѣлали невозможнымъ или по крайней мѣрѣ очень опаснымъ и рискованнымъ всякое открытое нападеніе. Между тѣмъ молва о новой обители и ея чудотворной иконѣ распространялась все далѣе и далѣе и толпы богомольцевъ непрестанно посѣщали мѣсто, прославленное явнымъ покровительствомъ Богоматери и чудесами отъ Ея святой иконы. А вмѣстѣ съ увеличеніемъ богомольцевъ увеличивались и приношенія, дѣлаемая ими въ пользу и даръ св. обители. Не говоря о простомъ народѣ, издревле извѣстномъ своимъ благоговѣніемъ къ святынѣ и родѣ Глядковыхъ, постоянно благодѣтельствовавшемъ обители, многіе изъ людей именитыхъ записаны въ синодикъ пустыни, какъ оказавшіе ей помощь своими дарами и вкладами. Изъ рода Глядковыхъ, какъ о вкладчицѣ Оранской пустыни, сохранилось еще извѣстіе о дочери Алексѣя Петровича Глядкова, Прасковѣ Алексѣевнѣ, бывшей въ замужествѣ за Алексѣемъ Григорьевичемъ Приклонскимъ. Въ 1696 году, 4-го мая она пожертвовала игумену оранскому Никифору съ братіей треть своего двора, находившагося въ нижегородскомъ кремлѣ, противъ подворьевъ Печерскаго и Макарьевскаго монастырей. За два года передъ этимъ тотъ же игуменъ Никифоръ получилъ отъ нижегородскаго митрополита Павла указъ «о построеніи часовни въ Нижнемъ Новгородѣ на нижнемъ посадѣ противъ церкви Іоанна Предтечи къ писчей избѣ». Эта часовня, какъ извѣстно изъ монастырскихъ актовъ доста-

взяла въ послѣдствіи монастырю до пяти рублей въ годъ отъ продажи свѣчъ и служения молебновъ. Около того же времени царевна имеретинская Дарья Арчиловна дала въ Терюшевскую волость записъ объ ежегодной выдачѣ Оранской пустыни шести рублей денегъ на поминоение своихъ родныхъ. Кромѣ того единовременными или по-степенными вкладчиками обители были князья Одоевские, Черкаские, Щербатые, Бабицеры, Волховиковы, Горчаковы, бояре Лыковы, Матышкины, Доможировы, Грековы, Лопухины, Салтыковы, Бутурлины, именитые люди Строгановы и многие другіе. До сихъ поръ еще сохра-нился вкладъ одного изъ князей Одоевскихъ, Никиты Ивановича, данный имъ лѣта 7165 (1657) юнія 26 дня Словенской пустыни... по своихъ родителехъ (*). Это

(*). Полная надпись на евангелии стѣдующая: «Лѣта 7165 юнія 26 дня далъ сию книгу боярской сыны Никита Ивановичъ Одоевскій Словенской Пустыни, что на рѣкѣ Окѣ подъ Павловымъ Пречистыя Богородицы Владимірскія свѣтленія иконы по своихъ родителехъ». Слова: «на рѣкѣ Окѣ подъ Павловымъ» заставляють, по видимому, предполагать, что здѣсь рѣчь идетъ вовсе не объ Оранской пустыни, а о какомъ нибудь другомъ монастырѣ, и именно Амвросіевомъ Дудинѣ, тѣмъ болѣе, что самый вкладъ находится въ селѣ Подъяблонномъ, гдѣ и былъ этотъ монастырь. Но такое предположеніе противорѣчитъ названію пустыни, въ которуо данъ былъ вкладъ, Словенской, и при томъ Богородицую — по Владимірской иконѣ Богоматери, тогда какъ, извѣстно, что Дудинъ монастырь и вообще никакой другой изъ Нижегородскихъ, кромѣ Оранскаго, не назывался Словенскою пустынью и что только въ Оранскомъ монастырѣ была чудотворная икона Владимірской Божіей Матери, по которой онъ и называется Богородицкимъ. Ошибка въ надписи могла быть вещь чисто случайной, вытекавшюю изъ незнаанія хоропо положенія Оранской пустыни и разстоянія между Окою и Павлово. А въ Подъяблонномъ евангелии пошло, вѣроятно во время стѣннаго положенія, матеріальныхъ средствъ обители въ 1730—70 годахъ, когда братія нерѣдко вынуждаема была для пропитанія за-кладывать и даже продавать нѣкоторыя церковныя вещи, какъ это увидимъ ниже. Очень легко можетъ быть, что въ одинъ изъ такихъ тяжелыхъ годовъ братія и продала или заложила это евангелие Дудину монастырю, принадлежав-шему тогда въ числу богатѣйшихъ монастырей епархіи, тамъ оно и осталось, а отсюда уже перешло въ Подъяблонную церковь, которая обращена въ приходскую изъ монастырской Дудина монастыря по его уничтоженію.

напрестольное, полудестовое Евангеліе, печатанное въ 1654 году. Въ настоящее время оно находится въ Успенской церкви села Подъяблоннаго, горбатовскаго уѣзда, хотя и неизвѣстно, когда и какъ туда попало. Прославленію обители и стеченію въ нее богомольцевъ особенно содѣйствовало множество чудесъ, совершавшихся надъ больными съ вѣрою притекавшими къ чудотворному образу Богоматери. Уже въ первый годъ отъ основанія обители, съ 21-го сентября 1635 по 1-е сентября 1636 года, чудодѣйственною силою св. иконы совершено было 131 исцѣленіе отъ самыхъ разнообразныхъ и часто застарѣлыхъ и неизлечимыхъ недуговъ. Взрослые и дѣти, мужчины и женщины, крестьяне и лица другихъ сословій — всѣ въ равной степени и съ одинаковою пользою для себя получали благодатную помощь Богоматери и ея Превѣчнаго

младенца. Съ равной легкостію и скоростью прозрѣваль слѣпой, двадцать или тридцать лѣтъ невидѣвшій свѣта солнечнаго и выздоравливалъ больной горячкою, державшею его въ постели двѣ-три недѣли. Съ особенною силою проявилась чудотворная благодать св. иконы въ исцѣленіи страдавшихъ лишеніемъ зрѣнія. До восьмидесяти случаевъ чудеснаго врачеванія отъ этого недуга приводится въ «сказаніи о чудесахъ отъ иконы Оранскія Богоматери», и это въ одинъ первый годъ существованія обители. Остальные исцѣленія поданы были хромымъ и вообще страдавшимъ болѣзненностію рукъ и ногъ, глухимъ, нѣмымъ, бѣсноватымъ и другимъ, одержимымъ болѣе обыкновенными болѣзнями (»). Около семидесяти

(*) Особенно замѣчательные случаи чудесныхъ исцѣленій деревни Выболова крестьянка Василика Тихонова была слѣпою 20 лѣтъ, села Побоста крестьянская жена Анна тоже страдала главоутомъ 20 лѣтъ, деревни Гривы старуха Ксенія Савельева 30 лѣтъ ничего не видѣла, села Давыдова священника

различныхъ мѣстъ нижегородскаго края, начиная съ самаго Нижняго, считали въ этомъ году между своими жителями благодатствованныхъ чуднымъ врачествомъ отъ св. иконы Оранской, которые и были для этихъ и соседнихъ мѣстъ живымъ свидѣтельствомъ Божественнаго проясления новооткрытой обители и несомнѣннаго присутствія въ ней благодатной и чудотворной силы Божіей. И это свидѣтельство исцѣленныхъ не было гласомъ вопиющаго въ пустыни. Уже самое множество чудныхъ исцѣленій, поданныхъ лицамъ изъ многихъ мѣстъ, показываетъ, что слухъ объ обители и слава ея чудесъ быстро распространилась по окрестнымъ селеніямъ и возбудила къ путешествію въ обитель и поклоненію ея чудотворной иконы. Но Божественной Покровительницѣ обители угодно было прославить свою икону и въ другихъ краяхъ нашего обширнаго отечества, и въ самой столицѣ Москвѣ предъ лицомъ благочестивѣйшаго ея Государя и патриарха. Въ самый годъ основанія обители, чрезъ шесть или семь мѣсяцевъ по освященіи храма (6) прибылъ изъ Москвы въ Нижній патриаршій боярскій сынъ Василій Потаповъ. Въ то время Нижегородская область не была еще самостоятельно епархією, а состояла подъ непосредственнымъ вѣденіемъ самого патриарха московскаго, которому и обязана была платить извѣстную сумму денегъ

жена Елокія и сестра Евфимія тоже) страдали слѣпотою, первая 20, а вторая 30 лѣтъ; села Болдырева крестьянка Анна Михайлова болѣе 20 лѣтъ ничего не видала, изъ-за Шуи, крестьянка Князя Телячевскаго Домника 50 лѣтъ не владела рукою и ногою; села Арапова крестьянинъ Матвѣй Времевъ страдалъ внутреннею болѣзнію 17 лѣтъ и 6 лѣтъ былъ пѣмъ; деревни Малетина крестьянка Екатерина хромала обоими ногами и въ церковь была вынесена на рукахъ.

(6) Освященіе храма, какъ мы уже замѣтили, было 21 сентября 1635 года, а Потаповъ прибылъ въ великомъ посту того же года. До Петра I-го годъ начинался не съ 1-го января, а съ 1-го сентября.

въ видѣ ежегодной дани. За этой-то данью или десяти-
ною и прѣехалъ Потаповъ, который потому и назывался
еще въ актахъ патриаршимъ десятильниковъ. Занимаясь
сборомъ ея, онъ отъ многихъ слышалъ о новоявленной
чудотворной иконѣ, и устроенной въ честь ея обители.
Многочисленность свидѣтельствъ о чудной благодати ис-
цѣлений, подаваемой иконою, свидѣтельствъ, изъ которыхъ
многія, быть можетъ, слышаны были имъ отъ самыхъ
исцѣленныхъ, не оставляли ему никакого сомнѣнія въ
дѣйствительности повѣствуемаго. И будучи самъ набож-
нымъ и истиннымъ христианиномъ, Потаповъ не задумался
поверить слышанному. Съ истинно христианскою радостію
сообщилъ онъ о такихъ дивныхъ дѣлахъ Божіихъ патри-
арху Іоасафу и прислалъ ему все, что только зналъ и слы-
шалъ объ Оранской обители и чудесахъ, совершившихся
въ ней. Не менѣе благочестивый, Іоасафъ, получивъ из-
вѣщеніе Потапова, самъ «возгоря духомъ Божіимъ» и
Божию дѣлу ему быти вмѣнивъ», немедленно послалъ
грамоту къ архимандриту Нижегородскаго Печерскаго мо-
настыря Рафаилу и протоiereю нижегородскаго архангель-
скаго собора Іосифу. Этою грамотою повелѣвалось имъ
составить и сообщить патриарху самое обстоятельное и
полное извѣстіе о чудесахъ, явленныхъ чудотворною ико-
ною Оранской обители въ теченіи всего времени ея су-
ществованія, съ точнымъ обозначеніемъ какъ лица, полу-
чившаго чудесное исцѣленіе, такъ и всѣхъ обстоятельствъ,
при которыхъ оно совершилось. Они должны были узнать
кто получилъ исцѣленіе, какого онъ званія, возраста,
пола, какое болѣзнію страдалъ и сколько времени, когда
получилъ облегченіе и въ какомъ мѣстѣ, въ самой ли
пустыни, дома, или на пути. Кромѣ разсказа самыхъ
исцѣленныхъ, они должны были отобрать свѣдѣнія отъ

ихъ родителей, родственниковъ, сосѣдей и вообще всѣхъ лицъ, кто только что либо зналъ или слышалъ о чудесномъ событіи. Все это вело къ тому, чтобы такимъ обстоятельнымъ изслѣдованіемъ сколько возможно болѣе оградить истину совершившихся чудесъ отъ всякаго сомнѣнія и недоумѣнія, — «да отъ неразумныхъ не возмнится истина ложь быти». Распросы продолжались около четырехъ мѣсяцевъ, весною того же 1635 года. Въ обитель были приглашены не только получившіе исцѣленіе, но и всѣ окрестные жители — христіане. Тутъ были и архимандриты, игумены, протоіереи, священники, діаконы, монахи, и лица всѣхъ другихъ сословій и возраста. Всѣхъ ихъ съ крестнымъ шествіемъ, спрашивали — «не лестно-ли сотворишася сія чудеса отъ образа Божіей Матери», и всѣ они единодушно и вполне подтвердили истину совершившихся чудесъ. Показанія были записаны и съ подписью всѣхъ грамотныхъ лицъ, за печатью слѣдователей, отправлены въ Москву, къ святѣйшему патриарху. Вмѣстѣ съ этимъ послана была и повѣсть о самыхъ чудесахъ, написанная со словъ исцѣленныхъ и другихъ, знавшихъ объ обстоятельствахъ чудесныхъ исцѣленій «Что же тогда о семъ святѣйшій патріархъ Іоасафъ устрои: первѣе тыя книги и свидѣтельство печерскаго архимандрита Рафаила и протопопа Іосифа самъ прочитаетъ и потомъ о толкихъ чудесъхъ новотворящихся отъ образа Божіа Матере благочестивѣйшему государю царю и великому князю Михаилу Феодоровичу всея Россіи возвѣщаетъ. Царь же, вельми о семъ благодаривъ Бога и рождшую Того Матерь Пресвятую Богородицу. И тако вкупѣ соизволяетъ сей пустыни въ роды родовъ непременно устраиватися въ благоупомянутое и устроене всего міра и святыхъ Божіихъ церквей. Народи же той страны сей царскій со-

вѣтъ, купно жъ и святѣйшаго услышавши, и прославивше Божіа Матере въ послѣднемъ родѣ нашемъ новоявленная ея сія чудеса, и непрестанно вѣролюбно множество народа вѣроу влекомы притекають и приемятъ неизреченно великую милость ея». Такъ заканчиваетъ свой рассказъ объ этомъ событіи «новѣсть о новоявленныхъ чудесѣхъ... содѣянныхъ въ пустыни близъ орапаго поля, на Словенской горѣ».

СОСТАВЛЯЕТЪ ЛИ ВИНО СУЩЕСТВЕННУЮ ПОТРЕБНОСТЬ ДЛЯ НАРОДА?

Низшій классъ народа въ Россіи употребляетъ почти исключительно одинъ родъ спиртныхъ напитковъ: *хмельный алкоголь* (*) въ разныхъ степеняхъ крѣпости и поль различными именованиями: горячаго вина, водки, сивухи, горѣлки. Вотъ что говоритъ знаменитый Либихъ о свойствахъ этого напитка. «Чистый алкоголь есть ядъ; потому и водка, съ точки зрѣнія химіи, есть разведенный ядъ, то есть, содержитъ въ себѣ вредныя для здоровья частицы. Постоянное ея употребленіе всегда вредно». Медикамъ и физиологамъ хорошо извѣстно дѣйствіе алкоголя на животную экономію человѣка. Одинъ изъ современныхъ намъ мыслителей — медиковъ, говоритъ, что алкоголь принятыи желудкомъ въ видѣ водки, быстро переходитъ въ кровь и прежде всего устремляется на мозгъ, а от-

(*) *Алкоголь* — это безцвѣтная, весьма летучая и горячая жидкость, получаемая при перегонкѣ перебродившихъ сладкихъ жидкостей, напимръ, сахара, сахарнаго сиропа и т. п. Смѣшанныи съ водою, алкоголь составляетъ обыкновенный винный спиртъ.

туда и на всю нервную систему, въ которой производить сильнѣйшее раздраженіе: слизистая оболочка желудка и кишокъ приходитъ въ воспалительное состояніе, какъ отъ дѣйствія на нихъ спирта, такъ и отъ ѣдкаго качества желчи, выделяемой печенью изъ крови съ примѣсью алкоголя. Печень, отъ дѣйствія яда, теряя нормальныя свойства, припухаетъ, чѣмъ объясняется мрачное расположеніе духа и безпокойный характеръ пьяницъ. Человѣкъ разрушается видимо; онъ не живетъ, какъ существо разумное, а влечитъ свое жалкое существованіе и преждевременно гибнетъ. Постоянное употребленіе спиртныхъ напитковъ въ меньшемъ количествѣ производитъ тоже дѣйствіе въ миниатурѣ; но во всякомъ случаѣ непременно сокращаетъ нашу и безъ того краткую жизнь.

Возможно ли, послѣ такихъ убѣдительныхъ доводовъ, утверждать, что вино составляетъ существенную потребность для народа? Не смотря на то, у насъ есть еще такіе поклонники водки, которые усиливается доказывать необходимость для народа умѣреннаго или, какъ они говорятъ, равномѣрнаго употребленія хлѣбнаго вина, полагая, что оно нужно по слѣдующимъ обстоятельствамъ:

- 1) дабы укрѣпить желудокъ человѣка;
- 2) дабы согрѣть тѣло отъ стужи;
- 3) дабы поддержать ослабѣвшія отъ трудовъ силы, и
- 4) для того чтобъ, усилить питательность грубой растительной пищи.

Но эти положенія нашихъ защитниковъ водки не имѣютъ основанія.

- 1) Для укрѣпленія слабого желудка есть, кромѣ водки, много другихъ средствъ, болѣе доступныхъ простому люду, какъ то: употребленіе отвара, горькихъ травъ мятной воды и проч. Всѣ такія средства, по дѣлу своей

весьма действительныя, не представляють тѣхъ неудобствъ и вредныхъ послѣдствій, которыя влечетъ за собою употребленіе водки, ибо случается нерѣдко, что послѣ пивко-торого, даже умѣреннаго употребленія этого напитка, человѣкъ пристращается къ нему, употребляетъ его подъ разными предлогами, потомъ находитъ удовольствіе въ опьяненіи, и прямымъ путемъ идетъ къ самому гнусному и вредному пороку и разстройству своего здоровья.

2) Дабы согрѣть прозябшаго отъ стужи человѣка, есть кромѣ водки, не мало другихъ средствъ. Гатемистеръ, въ сочиненіи своемъ: «о теоріи налоговъ», справедливо говоритъ: «нельзя утвердительно сказать, что алкоголь, какъ средство согрѣванія, составляетъ жизненную потребность жителей холодныхъ странъ. Обильная пища всякаго рода, въ особенности жирная, богатая углеродомъ не меньше успѣшно замѣняетъ алкоголь съ тою только разницею, что дѣйствіе оной гораздо продолжительнѣе, хотя медленнѣе». Известный нашъ врачъ писатель, покойный лейбъ-медикъ О. К. Каменскій, полагаетъ частое хотя и умѣренное, употребленіе водки весьма вреднымъ, и почитаетъ особенно полезнымъ напитокомъ, дабы согрѣть озябшаго человѣка, хороший сбитень, предпочитая его употребленію чая, и весьма сожалѣть, что онъ выводится изъ употребленія.

3) Для поддержанія ослабѣвшихъ отъ трудовъ силъ человѣка употребленіе водки не составляетъ также необходимаго средства. До введенія въ нашихъ великороссійскихъ губерніяхъ вольной продажи вина, было много крестьянъ, вовсе не употреблявшихъ водки. Не смотря на то, они были самые сильные и самые благонадежные работники. Не смотря на распространеніе пива и пьянства, у насъ еще осталось не мало такихъ трезвыхъ людей,

служащихъ явнымъ опроверженіемъ вышеизложеннаго мнѣнія о необходимости будто бы водки, для подкрѣпленія ослабѣвшихъ силъ человѣка. Особенно разительный примѣръ крѣпкого здоровья, физическихъ силъ и благосостоянія представляютъ намъ жители раскольническихъ слободъ, вовсе не употребляющіе крѣпкихъ напитковъ. Изъ представленныхъ англійскому департаменту свѣдѣній объ экипажахъ кораблей, находившихся на китоловныхъ судахъ въ моряхъ полярныхъ, оказалось, что въ экипажахъ, принадлежавшихъ къ «Обществу воздержанія», слѣдовательно, вовсе не употреблявшихъ крѣпкихъ напитковъ было гораздо менѣ больныхъ и умершихъ, нежели между матросами, не принадлежавшими къ тому обществу и получавшими ежедневную порцію водки или рома. Умные и опытные наблюдатели, участвовали во многихъ походахъ съ войсками и пришли къ тому убѣжденію, что отпускаемая нижнимъ чинамъ, періодически, безъ существенной надобности, винная порція не только не служитъ къ сохраненію ихъ здоровья, но вредитъ ему.

4) Не менѣ ложно то мнѣніе, будто бы водка нужна человѣку для поддержанія его питанія. Мнѣніе это опровергается извѣстными медиками. Растительная пища можетъ доставить человѣку здоровое и обильное питаніе: хорошая изъ овощей похлебка, крутая каша съ поливкою ея грибнымищами или свѣжимъ коноплянымъ масломъ, капуста, бураки, картофель, чистый ржаной хлѣбъ и другія произведенія крестьянскаго поля и огорода могутъ доставить обильное питаніе, гораздо полезнѣшее, нежели употребленіе водки, всегда дѣйствующей къ ослабленію тѣлеснаго организма. Провода столь вредное дѣйствіе на здоровье человѣка, водка особенно сильно дѣйствуетъ на состояніе народной

нравственности. Умѣренное, но частое употребленіе нарrodomъ водки обращается обыкновенно въ гибельную страсть пьянства, которое ослабляетъ силы рабочаго чело-вѣка, внушаетъ ему отвращеніе къ труду, истощаетъ его деньги, которыя безъ того пошли бы на поддержаніе хозяйства, и развиваетъ въ немъ самыя гибельныя страсти. Изъ слѣдственныхъ и уголовныхъ дѣлъ видно, что боль-ная часть злодѣяній предшествуются, сопровождаются и заключаются попойками; иногда же пьянство бываетъ суще-ственной пѣлію преступленій. Ознакомясь съ бытомъ низшаго класса народа, можно удостовѣриться въ томъ, что водка бываетъ, по большей части, причиной ссоръ и дракъ, похищенія чужой собственности и другихъ проступ-ковъ. Знаменитыми юристами признано, что употребленіе крѣпкихъ напитковъ бываетъ существенною причиною $\frac{2}{10}$ или $\frac{9}{10}$ совершаемыхъ преступленій. (Дом. Бес.)

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

— Новая книга «Практическое изложеніе церковно-гражданскихъ постановленій въ руководство священнику на случай совершенія важнѣйшихъ требъ церковныхъ». Одобрительные отзывы объ этомъ сочиненіи напечатан-ные въ нѣкоторыхъ журналахъ (Православное Обозрѣніе, Духъ Христіанина, книжный Вѣстникъ) за 1864 г. и не быстрый расходъ всего изданія, привели автора къ убѣж-денію, что книга его удовлетворяетъ требованіямъ его собратьевъ священниковъ.

Въ этомъ убѣжденіи онъ рѣшился, сдѣлавъ въ ней нѣкоторыя исправленія, напечатать ее вторымъ изданіемъ.

Второе, исправленное изданіе вышло изъ печати.

Цѣна книги остается прежняя 1 р. сер. съ перес.

Требованія на книгу слѣдуетъ адресовать прямо къ автору, Священнику Императорскаго училища Правовѣдѣнія *Алексию Парвову* въ С.-Петербургѣ.

СОДЕРЖАНІЕ. Очерки изъ исторіи славянской мѣологии (продолженіе.— Изъ исторіи Оранской пустыни.—Составляетъ ли вино существенную потребность для народа.—Объявленіе.

Дозволено Цензурою 15-го іюня 1866 года.

Редакторы: Инсп. сем. прот. *А. Стекловъ* и
Проф. *Г. Полисадовъ*.

НАЖНІЙ-НОВГОРОДЪ; ВЪ ГУБЕРНСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

Въ этомъ изданіи онъ рѣшился, сдѣлать въ ней
 нѣкоторые исправленія, измѣнить ее вторымъ изданіемъ.
 Второе исправленіе изданіе вышло малъ летъ
 Цѣна книги остается прежняя 1 р. сер. съ перес.
 Третья книга изъ книги сдѣлаетъ издательство прямо къ
 автору, Савиенкину Минераторскому Училищу Ярославля
 или Александръ Карповъ въ С.-Петербургѣ.

СОДЕРЖАНІЕ. Очеркъ изъ исторіи славянской интеллигенціи (продолженіе).
 Изъ исторіи Орянокъ иустинъ — Составляетъ въ видѣ самостоятельную часть
 послѣ для народа — Організіе.

Дозволено цензурою 13-го июля 1866 года.

Редакторъ: Иванъ сем. прот. А. Смирновъ и
 Проф. Г. Морозовъ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГИМНАЗИИ.

